

74 100-е Рыб.
1744

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

*Литературный
альманах*

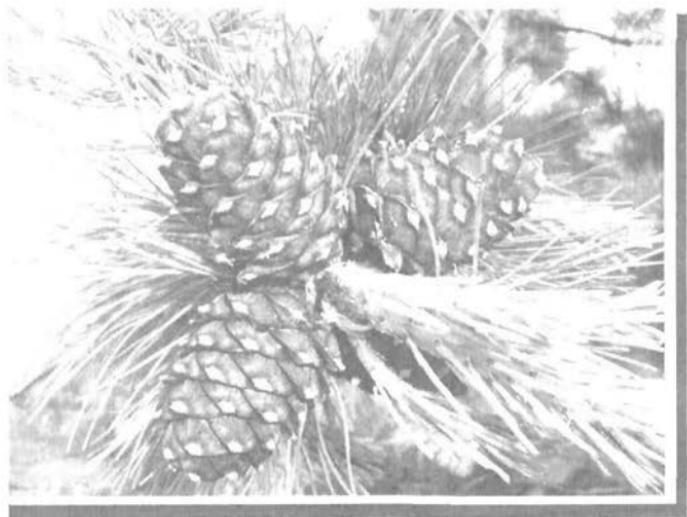
Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
указанного здесь срока**

84 (2 ос-РЧ) 6
ПЧЧ и

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

101765-2 Зк

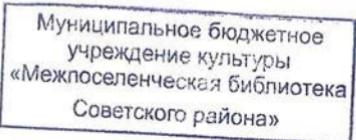
Литературный
альманах

бнк. и.

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
П44

Четвертый выпуск альманаха посвящен 40-летию районного
литературного объединения «Кедр».

ISBN 978-5-94007-064-1

ОАО «Советская типография», 2011 г.

*Прекрасен творческий приют
И памятью согрет.
В дремучем северном краю
Мы посадили кедр.
Он соткан был из добрых слов,
Колючий, да не злой...
Надежда, вера и любовь -
Была его землей.*

*Давайте вспомним тех, кто был
Истоком наших встреч.
Их след с годами не остыл,
Не ослабела речь...
Рождались проза и стихи
Из потаенных недр.
И древо было неплохим -
Тянулся в небо кедр.*

*А время счет уже ведет
По кольцам годовым.
Зерно на землю упадет
И станет нам родным.
Там, где есть прошлого пример,
И будущее есть.
Кедровой рощей вырос кедр,
Кедровым будет лес!*

В. Безносиков

*Дорогие
земляки!*

Позвольте поздравить всех творческих деятелей Советского района с юбилейной датой литературного объединения «Кедр».

Ровно 40 лет назад было образовано литературное объединение «Кедр», давшее старт не одному поколению признанных мастеров поэзии и прозы, творчество которых широко известно за пределами нашего района. Произведения членов Союза писателей России Владимира Фомичева и Владимира Волковца, Людмилы Ветровой и Станислава Юрченко, Бориса Карташова и Валентина Степанова выходят отдельными изданиями, публикуются в сборниках и журналах. Традиции, заложенные ветеранами-кедровцами, не иссякли с течением времени. Успешно пробуют творческие силы и начинающие дарования – те, кто родился и вырос в Советском районе. Среди лауреатов и призеров окружного детского литературного конкурса имени сказительницы Анны Коньковой ежегодно появляются имена наших юных земляков. Творческое и интеллектуальное развитие молодого поколения становится возможным благодаря людям, которым небезразлична судьба и история своего края.

Желаю всем творческим людям Советского района дальнейших успехов, вдохновения под созвездием «Кедра» и признания читателей.

*Сергей Удинцев,
глава Советского района.*

Дорогой читатель!

В четвертый раз перед вами юбилейный номер нашего кровного, районного альманаха «Под созвездием «Кедра». Если кто забыл, напомню, «Кедр» - это районное литературное объединение, которому в этом году исполняется сорок лет. Кстати, живо оно едва-едва. Самое интересное, либо вроде бы уже нет, а юбилей есть. И это здорово! Значит, есть надежда, что оно возродится, напитаются корни сибирского дерева молодыми литературными силами, и оно еще долго будет плодоносить на радость всем.

У истоков литобъединения стояли два замечательных поэта: тележурналист Владимир Кочкиренко и заместитель редактора районной газеты «Путь Октября» Владимир Фомичев. Все нынешние запятидесятилетние литераторы были активными членами объединения. В газете ежемесячно выходила «Литературная страница». Литераторы выступали на местном телевидении, встречались с трудовыми коллективами и школьниками, организовывали поэтические концерты.

Десятки литераторов выросли под сенью «Кедра», часть из них стали членами Союза писателей России, журналистами и учителями словесности. Многие из ныне здравствующих кедровцев выпустили свои первые книги, на подходе - вторые и третии. Пять членов Союза писателей РФ живет и творит в городе Советский: Владимир Волковец, Людмила Ветрова, Александр Игумнов, Валентин Степанов и Станислав Юрченко. Это профессиональные, самостоятельно работающие литераторы, и представлять их творчество районному читателю излишне. Они неоднократно печатались и в местной, и в центральной периодике, имеют на своем счету не одну книгу.

Традиционно в районной библиотеке проходят встречи с читателями, презентации новых книг, чествования юбиляров. В этом году прошли творческие вечера-встречи с читателями поэтов Станислава Юрченко и Владимира Волковца, Александра Губанова и Александра Смирнова, прозаиков Бориса Карташова и Валентина Степанова.

Ежегодно, 21 марта, в день весеннего равноденствия отмечается в районе Всемирный день поэзии. В Советский приезжают поэты из Урая, Югорска и Нягани. Для общения, обмена опытом и новыми книгами нет лучшей даты!

Каждые пять лет, в юбилейный год литературного объединения «Кедр», выпускаем альманах «Под созвездием «Кедра». Уже состоялось три выпуска. Конечно, хотелось бы выпускать почаше, но как вспомнишь, каких нервов и усилий это потребует, так руки опускаются.

В Советском выходит три газеты и ни в одной нет литературной страницы. Даже детский журнал «Винни Пух и перья» прекратил свое существование.

Отсюда озабоченность, что молодежь очень мало интересуется литературой, мало читает, упал художественный уровень произведений юных литераторов. Их рассказы заполонили мультишные герои и герои каких-то американских джеймс бондов на российской почве. Нужна общегосударственная программа пропаганды российской литературы и культуры. Иначе скоро мы не будем понимать своих внуков. А внуки - нас.

Желаю всем нам творческих вершин, лирического настроения и здорового оптимизма!

Владимир Волковец,
член Союза писателей РФ

Корни

Владимир Фомичев

Родился в 1937 году на Смоленщине. В Советском пять лет работал сотрудником районной газеты «Путь Октября». Автор двух десятков поэтических и публицистических книг, член Союза писателей России, лауреат многих литературных премий, в том числе премии имени Константина Симонова. Живет в Москве.

Партизаны

Люди мирные, с оружьем
На врагов вставали дружно.
Их мораль проста, как сноп:
Гостю званому - радушье,
Оккупанту - пулю в лоб.

Простор космической России

Простор космической России
Тебя в полон берет в тайге,
Где Арантуры мощно сини,
Сосна и в стынь, и в зной в платке.

Держава лета не чужая
Химеры гонит из башки.
Нет в дебрях чьей-то хаты с краю -
Живет избушка по-людски.

Подвластна своему закону
С начала до конца миров.
Средь комариного стозвону
В ней вещий дар певца здоров.

Заветной родиной настигнут,
Не чин и не лауреат,
Уже не может в жизни сникнуть,
Ее вселенской буре рад.

Пропал и след возни мышиной,
И странных игр, и медных труб.
На зауральскую равнину
Привет листом слетает с губ.

Лозинка

В далеком таежном Советском
Дивчинка-лозинка живет.
Не пудрой, нарядами светскими
Взяла всех парней в оборот.

Погибель им облик летящий
Да звездные очи и стать.
Уста, поцелуи манящие,
И спящим велели страдать.

О, гибкое тело! Как смело
Оно прорезает тоску
Глядящих вослед обалдело.
Лозинка в ответ ни гу-гу.

Играет улыбка, как рыбка,
Ресницы, что стрелы, разят.
И, кажется, даже брусника
Жалеет плененных ребят.

Им не Митрофанов, а фея -
В Прикондье законная власть,
Хотя никому-то своею
Лозинку пока не назвать.

Осень

Осень чувствует,
Как белых зайцев
Перегоняет
На новые пастбища зима,
Как идет она с Севера,
Прикосновением пальцев
Замораживая лужи и дома.

Надо мною время
Пролетает на самолете,
Вспоминаю
Военного детства лед.
Осень долго
Леса молотит -
Пока последний лист
Не падет.

В поле

Пасу я колхозное стадо
И греюсь
У зажженного мною костра,
Наблюдая,
Как красных птиц выпустить радо
Высокое пламя
Из своего куста.

Будильник рявкнет, вырвет тело
У койки из объятий белых,
И брюки ловишь ты вслепую...
И утро полетело пулей
Над закипающей работой,
Над притаившейся заботой.
Шуршанье метел, взмахи рук,
Из жести вырвавшийся звук.
Уже кружатся в зыбком свете
Трамваи, утренние дети
И тополиные метели -
Проснувшееся каруселью...
Ты пьешь бокал шампанской рани...
Вот Гулливером день нагрянет.
И поднебесная волна -
Весна -
Запенится до дна!

**Владимир
Кочкаренко
(1940-1976)**

Родился в г. Актюбинск Казахской ССР. Окончил Уральский государственный университет им. А.М.Горького. В первой половине 70-х годов работал на телевидении в пос. Комсомольском (ныне г. Югорск). Один из организаторов литературного объединения «Кедр» при Советской районной газете «Путь Октября». В 1975 году в г. Свердловске вышла первая книга Владимира Борисовича «Леса поют».

Сборники «Немыслимый сентябрь» и «Года на память» вышли посмертно.

(стихи из архива А.И. Губанова)

Наутро

Наутро выйти из ворот
в присутствии созвездий поздних,
достать из сумки бутерброд,
и разжевать морозный воздух.

Дома туманны и тусклы,
в них сны впились последней хваткой.

Зевнуть отчаянно и сладко
с потягом хрустнувшей скулы.

Тебе везет, ты раньше встал
сегодня и людей, и солнца.
И если это не фальстарт,
то возвращаться не придется.

Как уши, улицы пусты,
в них шаг твой лопается звонко.
Почти что лунным горизонтом
безмолвно выгнулись мосты.

Стремительней бери разбег
к мигающему светофору.
Как благодушно человек
с утра дает другому фору!

Снег, сумерками обесцвечен,
скрипит, словно топор в дровах.
Тебе из-за угла навстречу
дежурный катится трамвай.

Тебе везет. Ну что еще
предутреннего чувства выше,
что Родина, к плечу плечо
с тобой шагая рядом, дышит?!

19 ноября 1975

Зимние стихи

В груди скрипит колючий воздух,
под утро исчезает след...

Мне снятся ветви, в синих веснах
поставленные, как в стекле,
вишневый цвет горчащих почек
и первый желтенький цветочек,
от ветра спрятанный бугром,
к земле прижавшийся покорно.
И небо прочищает горло
и произносит первый гром...
Зима природу полонила
за наши тяжкие грехи.
Еще ей только половина...
Беру зеленые чернила,
пишу зеленые стихи.
Я не люблю цветов домашних,
из нашей милости живых.
Люблю живых и полевых.
С земли недолговечной нашей
они бесстрашно солнцу машут,
купаясь в дождевой пыли.
Зимою голодно для глаз,
пейзаж застывший неприятен,
как в черно-белом варианте,
прокрученном в который раз.
Зимою холодно для щек
твоих, горящих от мороза.
Скрипят железные полозья...
Проедут! Потерпи еще.
Усни, не мучайся над этим.
Вот мы с тобой на юг поедем,
оставив белую тюрьму,
в такую красок курерьму!
Ну а пока у нас зима.
Наполовину бел наш глобус.

И вразнобой висят в сугробах
на тросах дымовых дома.

16 декабря 1971

Вот какая беда

Не могу наглядеться
на поляны, поля.
Пусть, наверное, где-то
и не хуже земля.

Верно, скоро оставлю
и прощусь навсегда,
ничего не прославлю -
вот какая беда.

На закате в осины
синий снег порошит...
Чья-то женщина с сыном
из детсада спешит...

Постою у заплата,
всполошу воронье,
будто все это чье-то,
а никак не мое.

Я ведь не изменяю
никому и никак,
ни на что не сменяю,
коль уеду, а - так.

Но не верит природа
и не просит назад,

будто предал и продал
и - кругом виноват.

Стихи для детей

Храбрый Васька
Поднял Васька хвост трубою,
Васька к зеркалу идет,
видит, там готовый к бою,
ждет его такой же кот.
Так же круто выгнул спину
в зеркале, стоит и ждет
тоже толстый, тоже сильный
и такой же храбрый кот.
Так же зубы злобно скалит,
словно Ваську хочет съесть,
так же когти выпускает,
так же дыбом ставит шерсть.
Васька громко замяукал,
Ваське жизнь не дорога,
Васька, как стрела из лука,
прыгнул прямо на врага,
храбро бросился вперед он,
начиная страшный бой...
Прямо в зеркало с разлета
он вонзился головой.
И у Васьки целый час
искры сыпались из глаз.

Стрекоза

Взмыла в летние просторы,
над осокою скользя.
Велики, как два мотора,
стрекозиные глаза.

И летит она над нами,
над тропинкой, над цветами,
будто по небу плывет
двухмоторный самолет.

Тихо крыльями стрекочет,
самолет сама и летчик,
развернулась на лету
и умчалась в высоту.

Кузнецик

Усевшись на зеленый лист,
трещал он, как мотоциклист,
и длинной ножкою водил,
как мотоцикл заводил.

Потом присел, согнув колени,
как человек в зеленом шлеме,
с коленками наоборот
поехал задом наперед.

Я рядом прохожу тропинкой,
я слушаю, как он поет.
А он, подпрыгнув над травинкой,
уже летит, как самолет.

Аэродром или гараж
ему лужок зеленый наш?

Звезды

На дворе темно и поздно,
тени черные длинны.
может быть, на небе звезды -
это искры от Луны?

Искорку уносит ветер,
огонечек маленький.
Или это сверху светит
космонавт фонариком?

Или кто-то спичку чиркнул,
и она горит в руке?
Или это в небе дырки
от стремительных ракет?

В темном небе светят звезды,
чтобы было на земле
этой темной ночью поздней
хоть немного посветлей.

Ух и Ах

В тайге, петляя вспыхах,
бежали речки Ух и Ах.
Одна из них кричала: «Ух!»
и в соснах мчалась во весь дух.
Подруга восклицала: «Ах,

я вся запуталась в кустах,
в зубах своих огромных щук!
Меня не покидайте, Ух!»
И речка Ух сказала: «Ах,
какая вы копуша, Ах!
Я вас, конечно, подожду,
вон небо хмурится к дождю,
вон туча закрывает синь,
и дождик вам прибавит сил».
И туча ливнем пролилась,
и Ах из тучи напилась,
она пустилась во весь дух
и догнала подругу Ух.
Две речки за руки взялись
и дальше, дальше понеслись,
болтая звонко на скаку,
через сибирскую тайгу.
Вдвоем им весело опять
в далекий океан бежать.

Сороконожка

Там, где сад, и там, где тень,
по траве бежит дорожка,
а по ней сороконожка
убегает от детей.
Только очень ножки маленькие,
дети бегают быстрей.
Дети вмиг ее догнали
и тогда сказали ей:
«Ты, наверное, устала?
Не сердись и не беги!

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Может быть, сегодня встала
ты совсем не с той ноги?»

Звезда

Звезда на рассвете скатилась в траву,
где ночью ее светляки ожидают:
«Подвиньтесь, букашки!
Я тут и живу,
Вишу на травинке росинка живая».

Первая травинка

На земле лежит тропинка
и не может уползти.
Рядом с ней торчит травинка
неприметная почти.

Голубой весны новинка,
дочь апреля самого
одинокая травинка,
больше нету никого.

Поднялась неполовинку,
видит, утро на дворе,
смотрит первая травинка,
не пора ль вставать траве.

Утром в луже тает льдинка,
в небе солнышко встает.
Наша храбрая травинка
с неба солнышко зовет.

Солнце лучик теплый самый
травке маленькой дарит,
улыбается, как мама,
«С добрым утром!» - говорит.

Бабочка

В цветах порхает пестрый коврик,
пестрее, чем у наших коек.
Наверно, если подрастет он,
ковром он станет - самолетом.

В лесу

Серый зайка на опушке
сел в траве, прижавши ушки,
напугал его пенек,
он пустился наутек.

Белка прыгала по веткам,
шишки в нас бросала метко.
А вторая рядом с ней
на соседней на сосне.

Дятел, до жуков охотник,
словно в кузнице работник,
тук да тук, тук да тук,
тут как тут, тут как тут.

Как же это получилось -
в кустик солнышко скатилось?

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Разве ты не видел сам?
Это ж рыжая лиса.

Из густой еловой кроны
очень черная ворона
перед нами поднялась,
да как каркнула на нас.

Александр Губанов

Родился в 1941 году.

Автор поэтического сборника «Поздняя весна».

Более сорока лет живет в Советском.

Работал в леспромхозе, в школе, в районной газете.

Фочб

Горит далёкая звезда.
Свеча чуть теплится в окошке,
Орут взбесившиеся кошки,
Мерцает в проруби вода!
Мир растворился в липкой мгле.
Звезда мигрирует в пространстве,
Мальчишку дразнит ветром странствий
Раскрытый атлас на столе.
Рвут грудью ветер поезда,
Тьму пробивая светом фары.
Голодный зек уснул на нарах,
Спит в наркогрёзах поп-звезда.
Жиরует в сауне пахан,
Во сне бормочет работяга,
Солдатик, плюнув на присягу,
Рванул на станцию Беслан.
Пьёт в одиночестве поэт,
Убийца примеряет маску,
Дебил дослушивает сказку,
Глобально дремлет президент...

Ночь повернула звёздный круг.
Земля срывается с орбиты.
Меня предаст мой лучший друг,
И я предам - мы будем квиты.
В иллюминатор космонавт
Презрительно взглянёт на шарик,
Он Питер лазером нашарит -
И ухмыльнётся - гутен нахт!

А ночь божественно тиха.
Блестит река покровом снежным.
И лес, в молчанье безмятежном
Живёт, не ведая греха.

Чроническое

Не хочу быть я юным и стройным.
Да и был ли когда-нибудь им?
Хорошо в этот век перестройный
Умудрённым, вальяжным, седым.
Выходить из просторного «Вольво»,
Тыкать пальцем небрежно в меню,
И, раскинувшись в кресле привольно,
На колени сажать инженю.
Не считая, выбрасывать баксы,
В казино просадиться в джек-пот,
А наутро по сдвоенной таксе
Оплатить на Париж самолёт,
Быть по жизни крутым делаваром,
Конкурентов держать за горло,
Чтоб Москву в двухнедельном угаре
И вождя в Мавзолее трясло.

И на взлёте богатства и власти,
Подминая страну и судьбу,
Вдруг почувствовать снайперский зайчик,
Аккуратно застывший на лбу...

Не хочу быть седым и вальяжным.
Буду бедным, весёлым, худым.
Возведу себе домик бумажный,
Над трубой закурчавлю дым,
Накачу,
 посижу на крылечке,
Подымлю на абстракцию крыш,
И услышу: за облаком млечным
Самолёт пролетел на Париж.

Рюкзак

Съёжился и выцвел мой рюкзак,
Пахнет старой пылью и мышами.
Мы когда-то дружно с ним шагали.
Я шагал. А он болтался в такт.

Он ядром висел на тягунах
И под зад подпинывал на спусках,
Он, подлец, такую брал загрузку,
Что трещали жилы на ногах.

Он меня едва не утопил
Где-то на Саянах в горной речке,
Накрепко обняв меня за плечи -
Он меня по-своему любил!

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

А когда однажды в дождь и тьму
Перекат перевернул лодчонку -
Он за мной нырял, как собачонка,
Этакий презентовый Муму.

Обрывались лямки, клапана,
У костра я штопал ему брюхо.
Он шептал мне: «Ни хрена, братуха,
Мы с тобой мужчины, не шпана».

Проклиная бешеный Инзер,
На ночлег устроюсь ближе к ночи -
Он стихи мне странные бормочет,
Лучше б распечатал наш НЗ.

Я теперь давно уж не рысак,
Укатали горки, сгнили лодки,
И грустит заброшенный в кладовке
Старый абалаковский рюкзак.

Заглянул - он плачет, старина...
Чёрт с тобой! Взбирайся, вот спина...

Няганская история

Холод. Дождь.

Ночная Нягань.

Серая тоска.

Одичалый бомж-бродяга
Трётся у ларька.

Раздобыть бы на бутылку...
«Айзер» скалится в окошко

Рот, как полная копилка,
Как с маслятами лукошко.

Ну, хотя бы на чекушку
Разорился, что ли, зверь!
И в чердачную теплушку
Просочиться через дверь.
Выпить,

луковицей хрустнуть,
Кислым хлебушком загрызть...
Сдохнуть в сраном захолустье
И не выпить? Что за жизнь?

Кто ж подаст? Кому я нужен?
Поплетусь в сырой подвал.
Многоцветным полукружьем
Пухнет свеженький фингал.

Все в нетях. Забили Муху
В злом веселье малолетки.
Крот загнулся от сивухи
А уж Светка... жалко Светку.

Бах пристроился в приют
Порадел знакомый перец
Ну да Бах на то и Бах,
Поцелованный Богами,
Как тот немец на органе,
Шпарит «Мурку» на зубах.
Вот ему и подают:
То коленом, то нальют.

Кто куда легли бродяги
Кто в могилку, кто в дурдом.

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Я один, как волк в овраге,
Завываю под дождём.
Холод. Ночь.

Сырая Нягань,
Нежно светится фингал
И в кармане у бедняги
Вдруг плеснулось. Бог послал.

Бог зевнул. Поскрёб в паху -
Все от скуки развлеченье,
Врезал грязному Лоху
И «паленку» в утешенье.
Ухмыльнулся, пасть ощеря,
Ишь, помчался Луноход
Посчитаемся за зверя,
Повезёт - не повезёт,
Тут такая лотерея,
Тут рулетка, йошкин кот.

Самза

Самза, Самза...
Люблю тебя, как

каторжник колодку,
Как проводник - вагон,
Как алкоголик - водку.
Прикованный к тебе всевышней волей шефа,
Брожу в объятьях пылевого шлейфа
По улицам твоим.
Зимой тону в сугробах,
А осенью в грязи.
У нас любовь до гроба

Конечно, моего.
Люблю тебя, Самза.
У женщин здесь печальные глаза,
Здесь мужики по утру похмелясь,
С природой остро ощущают связь.
Здесь царствует абсурд,
Здесь плещется астрал,
Здесь век минувший навсегда застял.
Здесь край земли,
Ойкумены конечность,
Здесь ожиданье поезда, как погруженье в вечность.
Здесь «новорусских» нет,
Здесь не наглеют «Мерсы»
Знать оттого так замирает сердце
И светится в небритости слеза,
Когда услышу - станция «Самза».
И вдруг увижу с ясностью мистической
Стоит наш поезд
на «Коммунистической».

Родословная

Мы служили стране - не власти,
Плоть от плоти Донской земли
Узкоглазые и скуластые
С доброй третью татарской крови.

Были мы забияки, кутилы,
Но не зря по степным хуторам
Сероглазые девки грустили,
Подводя дончака по утрам.

Мы приветному слову рады.
Ну, а ежели что-то не так,
Мы не злы, только лучше не надо
Становиться под наш кулак.

Мы вовек не грешили стихами,
Мы писали в галопе сплеча -
Конь да шашка, да песня лихая
Да молитва за отчий очаг.

Наши кони копытили степи,
Стлались под ноги нам ковыли.
По холодной российской планете
Не отпетыми мы полегли.

Лишь бесчестья страшились да Бога,
Ни пред кем не клонили голов.
Поотведали царских острогов,
Досыта - комиссарских штыков.

Только где нас судьба не носила,
Огрубелые наши сердца -
Плоть от плоти твоей, Россия,
Закрывали тебя от свинца.

Возвращение

Окунаюсь в травы первобытные,
Руки врозь, валяюсь на спине.
Вспоминаю запахи забытые,
Привыкаю к сельской тишине.

Ни забот, ни торопливой мысли,
Только небо в ниточках травы.
И смешной глазастый коромыслик
Падает ко мне из синевы,

Чуть слышна,
над дремлющим покосом
Зазвучит далёкая свирель,
Может, это ветер пел над плесом,
Может, дед мой в дудочку свистел,

Но в простых нехитрых этих звуках
Вдруг возникнет тихая печаль,
Словно ты из длительной разлуки
Всё спешил сюда - и опоздал.

Ничего - ни зла, ни укоризны,
Лишь одна чуть слышимая жаль,
Хоть и жил ты вроде не волжизни
И дорог полегче не искал.

Звёзды появились. Ветер резче.
Дед молчит и курит в небеса.
И плывут от хутора по речке
Молодо и звонко голоса.

Наваждение

Лежат тяжёлые туманы
В долине медленной реки.
Уже готовы рюкзаки,
В чехол затиснута палатка,

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Где так охотно и так сладко
Невольным верилось обманам,
А ночь томительной любви
Уже одно воспоминанье.
И мы холодной знобкой ранью
Уходим берегом Оби,
Где в мутной давящей глуби
Сокрыты мощные созданья -
Икороносные реликты.
С прибрежной кручи только пихты
Следят наш медленный исход.

Нас поглощает теплоход,
Где всё знакомо и уютно,
Но в нашей крохотной каюте
Невыносимо, как в тюрьме.
Мы молча курим на корме,
Уже почти совсем чужие.
И чайки наглые блажили
В своей безумной кутерьме.

А мимо на волне мажорной
Несётся катер рыбнадзорный
С надеждой явно иллюзорной,
Догнать два спаренных «японца».
И шар расплавленного солнца
Излился лавой по реке.
И звон моторов вдалеке,
И берег с избами вразброс,
И сонный вахтенный матрос -
Всё отдалилось и застыло.
Один лишь царственный Ярило
Мог видеть муку в наших лицах,

Твои дрожащие ресницы,
Глаза, застывшие в тоске,
И след слезинки на щеке.

Прощай, 20-ый!

Прощай, 20-ый, век жестокий,
Век революций, век вражды!
Уходят в прошлое, как в кокон,
Твои пророки и вожди.
Прощай, 20-ый, век раскола,
Ортодоксальности и зла!
Твоя Гулаговская школа
В кровь человечества вошла.
Прощай, 20-ый, век прекрасный,
Век покаянья, век любви!
Таким, не белым и не красным
Ты в нашей памяти живи.

Под звон курантов и стаканов
Вселенский вспыхнет фейерверк
И наш космический Титаник
Отчалил в 21-ый век.

Владимир Волковец

Автор десятка поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Лауреат премии губернатора ХМАО-Югры и Всероссийской премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Более сорока лет живет в Советском.

В октябре

Выюга деревья намылит -
Дождик промоет листву.
Птица прострелит навылет
Там, где пройти не рискну.

Рябь просверкает погоже,
Чтобы продлиться уже
Острым озnobом по коже
И благодатью в душе.

Радует бодрая пёстроть
Свежих берез, что тишком
Густо присыпали пропасть
Под опрокинутым пнём.

Вижу сквозь тонкие ивы
Дальше, чем месяц назад,
Ели над взлобьем обрыва
Темной короной стоят.

Слева в болотистой чаше
Озеро, справа - сквозь лес
Въётся дорога...
А дальше? -
Край облаков и небес.

Да будет снег!

Шел дождь, а думалось о снеге,
Как избавленье от ночей
С промозглым мраком, о соседе
Восточно-западных кровей.

Он что-то выведать пытался,
Все намекал, а по уму
Спросил бы прямо, не мотался
Межу зачем да почему.

Я врал с тоски, а будь что выйдет!
И надоврался, черт возьми...
Да будет снег! Пусть все увидят
Грехи невинные мои!

Мне никогда не стать богатым,
Не жарить на костре гадюк,
Не обниматься с косолапым
И не ловить пудовых щук,

Не знать друзей верней собаки,
Когда в дороге месишь грязь,
И золотой хантыйской бабы
В глаза не видеть, отродясь...

Покамест он терпел и злился,
Вокруг да около кружил,
Моей заразой заразился,
Моею грустью загрустил.

Затосковал до онеменья.
И проклял нас и грязь, и тьму...
Да будет снег! Чтоб на мгновенье
Все ясным сделалось ему.

Что в нашем сером захолустье,
Когда ненастье душу рвет,
От безысходно злого чувства
Любой с три короба наврет.

Февраль на припеке подмок,
Но выужен на лютых раздольях.
И снег, компонуясь в комок,
Приятно прохладен в ладонях.

Дымится облитый стеклом
Хрустарник в оранжевой рани.
А солнце под острым углом
На пол проецирует рамы.

С газетной грязцой в колеях
Дорога зальдела до блеска.
Бледнеет в пустых небесах
От старых бессонниц таблетка.

Скривило теплом на столбах
Слоистые башенки снега.
И бродит в древесных потьмах
Весна, от восторга яснея.

И вербы раскрылись свежо,
И капает с крыш яркодробно,
И стало вдруг так хорошо,
Что перед людьми неудобно.

Снег, темнея, таял с хлюпом.
А когда совсем исчез,
Не сговариваясь, с внуком
Завернули в мокрый лес,
Где рассеянная просинь
И синичий переклик,
Где среди берез и сосен
Кедр - единственный мужик.
Где холодный запах снега
Вспоминается с трудом,
Где не выпрямился с лета
Мох, примятый сапогом...

Деревья разговаривают с ветром
Размашистыми жестами вдогонку.
И норовят за шиворот при этом
Закинуть мне то шишку, то иголку.

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

В сухое лето поздние маслята
У сосен приютились по привычке.
Мне с облаком грибного аромата
Никто не удивился в электричке.

В углу веселье с баночками пива,
В другом - игра в ладонях мальчугана,
У пожилых - обложка детектива
Да переплет любовного романа.

В окне средневековые коттеджи
Торчат из среднерусского пейзажа.
И ощущенье грусти и надежды
На лучшее растет и крепнет даже.

Я очарован нашим захолустьем
И сентябрем березово-туманным,
Привыкший к заменителям со вкусом
И цветом идентичным натуральным.

Любовь

Не вырваться тебе
Из кольцевых московских,
Безвыходных квартир,
Нелетных октябряй.
Ты просто по судьбе
Совсем не из таковских,
Кто из Москвы в Сибирь
Умчится вслед за ней! -

Простой как пятью пять,
Смешной провинциалкой,

Что сдуру родила
Тебе не дочь - люболь.
Её отец и мать
Не встретят перепалкой
Сама, мол, нажила,
Так нянчиться изволь.

Ты будешь года два
Еще в тусовках разных
Богатым и простым
Казаться всем назло.
Потом поймешь, Москва
Не слава и не праздник,
И свалишь, блудный сын,
Под отчее крыло.

И где-нибудь в Крыму -
Не в Кирове ж, известно,
Ты, вспоминая дочь,
Тоскливо заскулишь,
Закуришь в злую тьму
До омерзенья трезво,
И долгой будет ночь,
И нестерпимой тиши.

Звонки по адресам,
По сайтам в интернете
Не помогли - не зря
Ты звал ее Люболь.
Найти того, кто сам
Не пожелал на свете
Быть найденным, нельзя.
Нельзя и в этом соль.

Долгий бег на месте

Жил в общаге и бараке,
В четвертушке щитовой,
Жил при свете и во мраке,
Жил в отеле на Тверской,
Жил в вагонах на вокзале,
В переходах на метро,
Жил на сельском сеновале,
Где пахуче и пестро.
Жил в казарме и палатке,
Жил в бревенчатой избе,
Жил ни солено, ни сладко,
То в смиренье, то в гульбе.
Жил в дурдоме и больнице,
Жил под скальпелем врача,
Жил в деревне и столице,
Жил со зла и сгоряча,
Жил обманутым и битым,
Жил в редакциях газет,
Жил ненужным и забытым,
Жил как бомж и как поэт,
Жил с деньгами и долгами,
Жил в рыбацком шалаше,
Жил с друзьями и врагами,
Жил с сомненьями в душе,
Жил с татарами и коми,
Жил в Перми и Костроме,
Жил в глухи и на пароме,
Жил по-царски и в деръме,
Жил и верил простодыро
В коммунизм и ЦСКА,
Жил, чиновного мундира

Не примерив пока,
Бестолково жил и с риском,
Жил и в шубе, и в плаще...
И прожив полвека с лишком,
Вроде не жил, вообще.

Анатолий Казанцев
(1956-2011)

Родился в селе Паново Омской области. Окончил Ишимский педагогический институт. С 1980 года работал учителем русского языка и литературы в п. Пионерском. Анатолий успел при жизни выпустить одну поэтическую книгу «На северных ветрах».

Нет тепла и уюта в родной стороне -
Затянувшейся смуты трясёт лихорадка.
И живет беспокойное время во мне
Прожигающей болью под левой лопatkой.

От земли и до неба заполнен объем
Поздней осенью - сыростью, ветром и дрожью,
Где тревожно и грубо кричит воронье
Над моей головой и глухим бездорожьем.

Не воин я и жил не по приказу,
Но глаз перед врагом не опускал.
И в жизни не использовал ни разу
Пока еще свой полный арсенал:

Взрывоопасных нервов напряженье,
Заряд горячих мыслей в голове

И злость в груди - как силу с опереньем
В натянутой до боли тетиве.

Я с теми, кто в стремлении высоком
Считал в нелегком будничном пути,
Что лучше на задворках быть у Бога,
Чем у нечистых в славе и чести

Среди закоренело равнодушных,
Активно подлых, агрессивно злых,
Изнеможенных - потому послушных
И от извечной робости - немых.

Я разочарованьем в сердце ранен
И с виду присмирел, но против зла
В моем походном жизненном колчане
Всегда лежит парфянская стрела.

Где правят бал временщики,
На благодатной почве там,
Во власти, с легкой их руки
Плодятся лжец, хапуга, хам,

Головотяп и подхалим.
А в стороне от них живет
Без капли уваженья к ним,
Как встарь, безмолвствуя, - народ.

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

На пьедестал возводим, как ни странно,
Мы очень часто тех, кто недалек,
С гнильцой, с душком, с немыслимым изъяном,
Но кто умеет с тупостью упрямой
По-хамски гнуть людей в баражий рог.

При них служить легко подобострастным,
Угодливо согнувшись льстецам.
Кто не согнулся - те для них опасны,
С такими поступают они властно -
Ломают судьбы, души и сердца.

Джину из бутылки дали волю,
На свободу выпустили зло,
И бурьяном жизненное поле
Широко и густо заросло.

В слабых душах праздную победу,
Буйно расцветают сорняки,
Тянутся они к теплу и свету,
Заглушая добрые ростки.

Плевелы на жизнь имеют право,
И не мне вершить над ними суд.
Хорошо живя, себе во славу,
Пусть они до жатвы подождут.

Все мы не только шкурами -
Сутью своей различаемы:
Живут в одиночку бурые,
Серые бродят стаями.

Я прожил жизнь достаточно большую,
Но рано подводить пока итог.
То, что осталось мне, теперь хочу я
Прожить, как прежде, с пользою и впрок:

В согласии с любимой и друзьями,
Держась в пути набитой колеи -
Чтобы скрипеть от зависти зубами
Не разучились недруги мои.

Борис Карташов

Родился в 1951 году на севере Свердловской области. Окончил лесотехнический техникум, факультет журналистики высшей партийной школы при ЦК КПСС, работал в газете «Путь Октября», директором Советской типографии. Автор книг «220-ый квартал», «Разорванная память».

Инспекторы поневоле

Рыбинспектор поджидал нас на лодочной станции. На вопрос: где же сети и куда поплыvем рыбачить, сказал, что еще успеется, а пока необходимо поработать на государство. Озадаченные таким оборотом дела, тем не менее, послушались и отправились, как уточнил страж порядка, на пресечение браконьерской деятельности местных жителей.

Медленно плывем по протоке. На горной стороне ярким пятном выделяется красная палатка туристов. Бивак оборудован по последнему слову современного отдыха. Два дядьки с приличными животами ловят на спиннинги щурогайку. Рядом с палаткой столик, шезлонги, мангал. К большой сосне прислонены два ружья. На дереве сушится свежая шкурка ондатры. Все это, здороваясь с туристами, замечает инспектор.

- Инспектор районной рыбоохраны Васенин, - показывает удостоверение наш начальник. - Эти со мной, ненштатные сотрудники газеты.

Один из отдыхающих скрывается в палатке. Через минуту появляется с подносом в руке, на котором бутылка водки,

рюмки и бутерброды с колбасой.

- По русскому обычаю хлеб-соль...

Васенин его обрывает:

- Ну, положим, гостеприимства не наблюдаю. Во-вторых, давайте ваши удостоверения, документы на оружие, путевку на осеннюю охоту.

Читаем документы. Оба представители знаменитого Уралмаша. Начальники цехов - большие шишки в то время. Туристы в замешательстве. Им, видимо, еще не приходилось быть в роли обвиняемых.

- Разрешения на отстрел уток у вас нет, а ружья расчехленные. Кроме того, шкурка ондатры свежая. А чтобы охотиться на этого зверька, нужна лицензия!

Мужики в замешательстве, не знают, что делать в такой ситуации. Их оправдания звучат как детский лепет: виноваты, большого вреда не нанесли, готовы тут же заплатить штраф.

По всем правилам оформляем протокол в двух экземплярах. Один вручаем браконьерам. Прощаемся. Под хмурые взгляды отчаливаем от берега.

- Чего так сурово? - интересуется мой товарищ.

- Они считают, что все должны быть у них в услужении, начальники, мать их, - ворчит инспектор. - Думают, что им все позволено. Наш местный браконьер честнее и благороднее.

Как наколдовал, из-за поворота выворачивает моторка. Три мужика машут руками, громко разговаривают, матерятся. Сигналим, чтобы остановились. Рев мотора стихает:

- Начальник, мы на пикник собрались. От своих баб слиняли. Сказали им, что на рыбалку, а сами..., - самый трезвый показывает полный рюкзак со спиртным. - В общем, на неделю отвалили.

Второй, на первом сидении, пытается угостить нас водкой, выказывая свое дружелюбие.

- Вам лучше бы сейчас к берегу пристать, - советует ин-

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

спектор, не ровен час перевернется.

Пьяные послушно заворачивают в небольшую протоку. Слышно, как один из них говорит товарищам:

- Начальник прав, давайте отоспимся и завтра двинем дальше, время есть.

- Ну, что с них возьмешь? Проспятся, поставят сети в протоке, сварганят уху и продолжат квасить, пока водка не кончится. Разве это браконьер? - как бы оправдываясь, глядит на нас Васенин.

Плыем в сторону пристани, рядом с которой железнодорожный вокзал. Смотрим на часы.

- Скоро пассажирский поезд отправляется, сейчас спекулянты будут подтягиваться к вагону-ресторану, мускуна продавать. Нужна еще одна лодка, чтобы с обоих берегов перехватывать.

Мало чего понимая, согласно киваем головами. Моторка сама подплывает к нам.

- Ребята, до пристани далеко?

- Да, мы туда же добираемся, держитесь за нами, - даем газ на полную и летим по водной ряби вниз по течению.

По пути узнаем - туристы из Челябинска - отдыхают. У пристани наш страж предлагает новым знакомым помочь нам проверять лодки на предмет ценных пород рыб. Те смущено отказываются, мол, они простые туристы, зачем им это надо. Инспектор непреклонен: помогайте или он составит протокол на незаконное ношение ружей - отсутствовали путевки на охоту.

Стоим с заведенным двигателем, наблюдая за проплывающими мимо лодками. Вот одна из них, заметив наш бортовой номер (известный всем местным браконьерам), пытается уйти к другому берегу. Им навстречу устремились мы, чуть погодя - новые подневольные помощники. Видя, что не скрыться, молодой пацан, а именно он был за рулем, заглушил мотор.

С первого взгляда определяем, что удирал он не зря. В лодке лежит мешок с рыбой.

- Чей, - спрашивает инспектор.

- Мама просила передать родственникам, - от испуга у пацаненка дрожат губы.

Вываливаем содержимое - свежие муксуны. Пересчитываем: более двух десятков рыбин.

- Ну, что, на две тысячи рублей ты уже попал. Плюс конфискация мотора и лодки. Ты понимаешь, как влип?

Мальчонка начинает всхлипывать:

- Где же я возьму такие деньги. Учусь в техникуме, отца нет, вот и подрабатываю на учебу: продаю в ресторан.

Переглядываемся. Васенин перекладывает муксунов в нашу лодку и начинает писать протокол изъятия. Мы осуждающие смотрим за ним.

- Если еще раз попадешься, пойдешь в тюрьму, понял? - вручает протокол юному браконьеру.

Отплываем к пристани. Молчим.

- Да, ладно вам дуться. Протокол-то я в одном экземпляре написал, попугать только.

Все сразу повеселели, заулыбались. Новые знакомые торопливо стали прощаться с нами.

В это время в причал ткнулась лодка местного рыбака-ханты.

- О, старый знакомый, - здоровается с ним инспектор, - хорошая рыба есть? Вот журналистов надо угостить.

- Не-е-т. Щука есть.

- А ты пошарь в бардачке, может, что и найдешь.

Рыбак начинает, не глядя, искать.

- Смотри-ка, нельмушка затесалась, - удивляется он.

- А давай малосол сделаем, - предлагает Васенин, - угостим гостей с Южного Урала.

Ханты тут же начинает разделывать рыбу, слегка солит

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

и протягивает нам.

- Мужики, эту закусь надо под водочку, - новые знакомые достают бутылку.

Мы с удовольствием принимаем по чарке, закусывая малосольной нельмой. Уральцы, следуя нашему примеру, лихо опрокидывают спиртное и тянутся к рыбе. Тщательно жуют... и выплевывают.

На немой вопрос поясняют:

- Столько слышали о нельме, малосоле, деликатес, мол! А на самом деле, обыкновенная сырья рыба.

Хохочем, уплетая вкуснятину за обе щеки.

- Поэтому, мы живем здесь, а вы на большой земле, -резюмирует рыбинспектор.

День катится к закату. Прощаемся с уральцами, нашим сегодняшним начальником.

- Вы рыбу-то заберите. Для вас же старался, - он перекладывает ее к нам в рюкзаки.

Вскоре его лодка мелькнула на повороте и скрылась.

Через год Васенин погиб от рук пьяных браконьеров. Было ему всего двадцать пять. Осталась жена и маленькая дочка.

На рыбалку с портфелем

Ловля окуня по перволедью захватывает. Лед прозрачен. Выбираешь уловистое место, всматриваешься, примечаешь стайку рыбок и в лунку опускаешь мормышку. Мгновение - подсечка, и на снегу трепыхается увесистый окунь.

В этот раз к нам в напарники напросился муж подруги жены. Отказать неудобно, тем более, что рассказывал, какой удачливый он рыбак: никогда не возвращался без «хвоста».

- Может и нам повезет, да и лишняя рабсила не помеша-

ет, толкать-то машину по болоту не сахар, усилий требует, - философски заметил Григорьевич.

Подъехав к дому нового знакомого, стали ждать, поглядывая друг на друга: оба терпеть не могли опозданий. Но когда тот появился, расхохотались:

- Ты всегда с портфелем ездишь на речку?

- А у меня больше ничего нет - не успел еще обзавестись рыбакскими причандалами.

- А удочки есть?

- Конечно, - он достал из кармана бобину с леской и спичечный коробок с мормышками.

Хмыкнув, Григорьевич откинулся на спинку сиденья и задремал. Я, на правах хозяина, задав пару вопросов новоявленному рыбаку, тоже замолчал. На место добрались без приключений. Правда, пришлось оставить машину у кромки болота и три километра идти пешком. Болото еще по настояющему не замерзло. Не стали рисковать.

На плёсе новый знакомый не отставал ни на шаг, по-видимому, считал меня своим наставником. Попросил пробурить ему несколько лунок, затем настроить удочку, приспособить катушку с леской, привязать мормышку, показать, на какую глубину устанавливать прикормку.

Терпел, сколько мог, но когда он вновь попросил насадить червяка, взорвался:

- Может, еще за тебя ловить и в портфель складывать?

Знакомый так беспомощно посмотрел на меня сквозь очки, что мне стало стыдно.

Это была не рыбалка, а пытка. Быстрее бы вернуться домой и высказать жене все, что думаю о муже ее подруги. Видимо, почувствовав мое состояние, горе-рыбак на время отстал, и я успел отвести душу: выловить три десятка крупных окуней и уйму ершей.

Настало время собираться. Отсортировал рыбу - выбрал

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

крупняк, остальную сгреб в кучу. На молчаливый вопрос подопечного ответил:

- Пусть выдра или лиса полакомятся, они здесь постоянно крутятся.

- А можно мне забрать?

- Так это же мелочь, кошке в подарок, - я махнул рукой.

Он аккуратно собрал ершей и мелких окуней в портфель, потряс его и с трудом застегнул.

Дождавшись Григорьича, тронулись к машине. У нас с ним за плечами кроши, в которых лежало по три десятка рыбин и рыбакские принадлежности, поэтому двигались споро. Новый же член нашей компании нес свой бесценный груз в руке. По мере удаления от речки он шел все медленнее и медленнее. Вначале портфель перекладывал из одной руки в другую, потом привязал к нему веревку и потащил волоком. В конце концов, приладил на плечо. Однако и это оказалось нелегко. Наблюдая за ним, мы с Григорьичем посмеивались, честно сказать, злорадствовали.

Наш рыбак прилично отстал. Перебрасываясь шутками, ждали. Наконец, на профиле показалась фигурка «бурлака». Он, то приседал и тащил портфель волоком, то поднимал и нес в руках, как охапку дров.

- Да, до чего жадность человека доводит, не дай бог, - уже не улыбаясь, задумчиво произнес Григорьич, - тяжело, но портфель, как друга, не бросил.

Новоизбранный рыболов появился, когда мы уже подкрепились чайком.

- Ну, как рыбалка, понравилась?

- Да!

Через несколько минут, он уже храпел на заднем сиденье, укачанный дорогой, умаянный тяжелым портфелем.

Вот это да!

Народная молва донесла, что инспекции на воде не будет сутки: все уехали на совещание. Решили плавать двумя лодками: одна на плаву, другая дежурит на берегу. Мы настроили сети, и началась работа. Выбросились хорошо - сеть встала кошелем и плыла строго по фарватеру. Для страховки я подгребал веслами.

Полтора часа нервного ожидания и прислушиваний прошли незаметно. Выборку начали, не спеша. Григорьевич периодически покрикивал, грозил кулаком, когда я неправильно подгребал к провязу или позволял ему наплыивать на лодку. Уже добыли несколько язей, пару налимов, но предчувствие удачного плава не покидало.

- Есть, - шепотом произнес Григорьевич, - нельмушка, - и осторожно перевалил рыбину через борт вместе с сетями.

Я тут же приступил освобождать ее из ячей и, полюбовавшись, спрятал в мешок. Еще выпутал щуку, затем еще... Неожиданно Григорьевич заматерился:

- Однако, за корягу зацепились.

- Попробуй в натяг, не получится, мотором сдернем, - посоветовал я.

- Давай помогай, - и мы вместе стали вытягивать провяз в лодку.

Сеть потихоньку поддавалась, но шла тяжело.

- Вроде, получается, вытягиваем. Лишь бы сети не очень порвали, - успокаивал себя и меня старик.

Вдруг вода у борта забурлила и на поверхность всплыло полутораметровое бревно. По крайней мере, мне так показалось.

- Он! Черт возьми, точно он! - выдохнул Григорьевич.

- Кто? - глупо поинтересовался я, понимая, что поймали что-то необычное.

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Бревно шевелилось, причем, даже помахивало мне хвостом.

- Табань, табань осторожно, - Григорьевич в истерике бегал вдоль борта, подводя рыбину все ближе и ближе к лодке. Это был настоящий осетр.

Мы с ужасом увидели, что он зацепился всего нескользкими нитками за жабры. Беспомощно смотрю на деда. Тот обреченно переводил взгляд то на осетра, то на меня, как бы спрашивая совета. Затем громко крякнул и с криком:

- Лови нас! Обматывай меня провязом! - плюхнулся прямо в сети на рыбину.

Я быстро пытаюсь подтянуть обоих, но ничего не получается.

- Заводи мотор!

Делаю все автоматически, завел, дал газ.

- Куда, бога матерь, прешь, - орет дед, - подтягивай!

Как Григорьевич, обнявший осетра, словно родного брата, оказался в лодке вместе с ним, не знаю. Лежат они оба, напарник пытается выпутаться из сетей, и сыплет матершиной то ли от испуга, то ли от радости. Начинаю рвать ячей, дрожащими руками. Наконец, Григорьевич медленно отползает на корму. Только сейчас замечаю, как кровоточат его руки.

- Прячь, прячь его, - машет рукой, - не ровен час инспектора нагрянут.

Круто разворачиваюсь и - к берегу. Замечаю небольшую протоку, направляю лодку туда, подальше от посторонних глаз. Григорьевич, умывшись, рассматривает улов.

- Однако, килограммов пятьдесят будет, - любовно поглаживает рыбину, - небось и икорка есть...

Светает. Мы в лихорадке разделяем осетра. Икру раскладываем в пакеты. Через два часа в лодке не осталось и следа от улова: добыча надежно спрятана в носу лодки, на виду в мешке валяются щуки, язи, налимь. На сиденье вод-

ка, закусь, минералка. Играет припасенный для этих случаев транзисторный приемник. Лепота!

Медленно движемся в сторону дома, всем видом показывая, что просто культурно отдыхаем. К обеду добираемся до поселка. Здесь, на берегу, обычная толкотня: приплывают лодки, отъезжают люди. До нас никому нет дела.

- Вот теперь давай наливай по соточке за удачную рыбалку, - улыбается дед, - лет эдак десять так не везло. Смотри, только ни гу-гу.

Согласно киваю головой.

Через месяц на очередном вояже по Оби, знакомый рыбак по секрету поведал нам о том, что недавно его сосед поймал осетра, килограммов на пятьдесят... Как раз в том месте, где рыбачили и мы... Переглянувшись с Григорьевичем, внимательно слушаем знакомого, удивляясь, что повезло человеку.

Отплывая на сор, дед как бы про себя говорит:

- От народа ничего не скроешь. Ты никому не болтал?
- А ты? - вопросом на вопрос ответил я.

Расхохотавшись, прибавили газу, и лодка понеслась на встречу новым приключениям.

В гнезде орлана

Весной, отправились по протоке в сор, где ловился неплохой карась, и было кормовое озерцо, куда всегда садились утки - сезон весенней охоты еще не закончился. Взяли знакомого, который очень хотел побывать на обских просторах. Место было обжитое: останавливались там несколько раз. Смастерили стол, установили таган, расчистили территорию под палатку.

Обустроились, поставили сети и разошлись по складкам попытать удачу в охоте. К вечеру стало ясно, что утятиной полакомиться не удастся. Стai летели ходом, то ли были

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

уже напуганы охотниками, то ли присмотрели другое озеро. Довольствовались ухой из пойманных карасей и домашними припасами.

Поскольку дел оказалось немного, решили расслабиться. После рюмки Григорьевич завел свою коронную байку о прошлой жизни, когда рыба сама выпрыгивала из воды в руки рыбаков, а дичь можно было добывать в собственном огороде. Чуть позже, обидевшись, что его не слушают, отправился проверять сети. Вернулся на гребях - мотор заглох и не заводился.

Григорьевич виновато пробормотав, что утром вечера мудренее, залез в палатку и захрапел. Мы тоже полезли отдохнуть, понимая, что в темноте ничего не сделать.

Утром деда в палатке не обнаружили.

- Чай, небось, готовит. Чувствует вину за вчерашнее, - толкнул меня в бок сосед.

Однако, у костра Григорьича не было. Не было его и около лодки. Сонное состояние быстро улетучивалось. А когда не обнаружили его и в скрадке, заволновались. Конечно, ничего плохого не предполагали - Григорьевич слыл опытным таежником и бывал в ситуациях покруче. Выстрелив из ружья, стали ждать.

Совсем рассвело. Оглядываюсь вокруг - все как обычно. Тот же бор напротив протоки, блестит на утренней зорьке поверхность озера, одинокая береза покачивает свои ветки, набухают почки. Стоит банка, наполненная за ночь березовым соком. Поднял глаза на макушку дерева: там много лет пустует громадное гнездо местной достопримечательности - орлана-белохвоста.

Гнездо показалось мне не совсем пустым. Подойдя поближе, не поверил, свернувшись калачиком, в нем сопел Григорьевич. На высоте около трех метров!

- Дед, ты чего там, яйца высиживаешь? - поинтересовался я.

Сопение прекратилось.

- Вы так хранили, что невозможно было терпеть, - спустился на землю Григорьевич.

- Как же ты залез туда? И зачем?

- Бзик у меня такой - на дерево тянет, когда лишнего выпью.

В болоте с мишкой

Есть у нас любимое грибное место. Сосновый бор. Беломошник. Рядом озеро Щучье.

Регулярно бываем там с Григорьевичем. Очередной вояж приурочили к приезду родственников с Урала - показать им наши лесные богатства и природу сибирского края.

Приехали. Как всегда плотно подзаправились на свежем воздухе и разошлись по своим потаенным тропинкам и полянам. Коричневые шляпки боровиков, если приглядишься, попадались на каждом шагу. Так незаметно я добрел до болота перед озером.

Черт меня дернул посмотреть - созрела ли клюква. Перепрыгивая с кочки на кочку, внимательно осматриваюсь вокруг. Невдалеке вижу человека, ползающего на коленках. Отвернулся в сторону, чтобы не мешать ему собирать ягоды.

Клюквы было предостаточно, и я увлеченно стал ее собирать в фуражку, (корзина была занята грибами), поднял голову. Сборщик сидел в метрах ста за кочкой и смачно чавкал. Сказать, что у меня зашевелились волосы на голове, ничего не сказать - медведь!

Что-то свинцовое опустилось в ноги, и они практически не могли двигаться. На сухое место из болота выбирался на четвереньках. Я бежал «быстрее лани», в сторону нашей стоянки.

Опомнился у машины, где мирно беседовали родствен-

ники, перебирая собранный урожай.

- Ты, что такой взволнованный? - поинтересовался Григорьевич, - как будто, медведь за тобой гнался.

В ответ я только хватал воздух ртом.

- Точно! - поддержала деда жена, - даже корзину с грибами где-то оставил.

Только сейчас заметил, что в крепко зажатой руке у меня фуражка с горсткой клюквы и все.

Бородатый ейти

Мы остановились на берегу таежной речки, где стоял сосновый бор с брусничником. Но здесь ягода была мелковата, и мы спустились ниже к болоту, где в багульнике нашли большие кочки, усеянные брусникой. И хоть собирать ее в кустах было трудней, чем на беломошнике, зато ягода была крупнее и спелее.

Уже через час собрались у машины с полными ведрами. Ссыпали бруснику в картонные коробки и вновь углубились в кустарник. Быстро набрав еще ведро, я вышел к биваку и решил попить чаю. Видимо, услышав ароматный запах напитка, притопал и Григорьевич. Ждали третьего участника нашего вояжа, но тот задерживался.

- Хапает! Не может, видимо, оторваться от брусники, - язвительно заметил дед, - ну, да ладно, нам чаю больше достанется. Ему, конечно, легче в тайге находится - бородища вон какая! Никакой гнус не страшен. Надо сказать, что сосед Григорича работал лесником в местном лесхозе и по традиции носил бороду.

В это время на бугор подъехала еще одна машина, из которой вывалилось около десяти женщин. Весело поздоровавшись с нами, сразу же раскинули скатерть, заставили различной снедью, уселись обедать. Только самые нетерпеливые,

расспросив, где крупнее брусника, отправились в багульник. Через какое-то время за ними потянулись и остальные.

Мы же после чая задремали. Сколько прошло минут не знаю, только нас разбудил истошный женский крик. Не сопротивляясь, что происходит, вскочили. Из кустов багульника к нам неслись женщины. Лица были искажены от ужаса.

- Там..., там, ейти, снежный человек! - выдохнула одна.

- Какой ейти? - я вопросительно посмотрел на Григорьяча.

- Волосатый, вот с такой бородой, - женщина даже обиделась на меня.

Все собрались у машины рассказывая, что это за чудище и как он их напугал, рыкнув на них неожиданно из-под куста. Медленно я стал кое о чем догадываться. В этот момент на тропе появился наш бородатый товарищ. Григорьевич захихикал, тыча пальцем в знакомого.

К нам приближался лесник в майке и трусах, борода по пояс, волосатый как леший. В руках нес ведро с брусникой, на одном плече штаны, наполненные, как потом оказалось тоже брусникой, на другом ветровка. Подойдя к машине, он деловито достал коробку и высыпал бруснику из ведра, затем из штанов, а потом и из ветровки.

Покончив пересыпание, лесник обвел нас удивленным взглядом:

- Вы чего так переполошились? - поинтересовался он у женщин, - я же пошутил, когда рыкнул на вас. А потом звал к себе - ягод-то там ужас сколько.

Стан загудел.

- Ты зачем разделся? - сквозь гам и смех поинтересовалася я.

- Неохота было туда-сюда курсировать, вот и высыпал ягоды во что было.

- Григорьевич внимательно осмотрел знакомого и сделал

заключение:

- Похож! Только не на снежного человека, тот ростом был под три метра, а на мудака с бородой.

На грани

На плаву под названием «Цыганка», что в сорока километрах от райцентра, поставили на яму провязы. Местные рыбаки заверяли, что в ней водятся десятикилограммовые щуки. На реке стоял полный штиль. Солнце грело так, что пришлось снять ветровки и тельняшки.

Вскоре к нам подъехала лодка со знакомыми. Попали разговоры, где лучше ставить сети, кто, сколько поймал рыбы в прошлые выходные. Затем стали угождать друг друга водкой. Не заметили, как наступил вечер.

- Надо бы проверить сети, может пару щук запуталось, - предложил Григорьевич.

...Северный ветер налетел неожиданно и резко. Небо затянули свинцовые облака. На реке появилась рябь, затем крупные волны. Они казались такими тяжелыми, что стало страшно. Рыбу из провязов уже не выбирали: складывали на нос вместе с сетью. Дождь превратился в град, который больно бил по лицу. Устали как черти, пока добрались до берега.

Знакомые отправились ночевать в близлежащую деревню.

- Ну, что делать будем? Мокрые, можем и простудиться.

Григорьевич не слушал, сооружал нодью.

Нодья! Спасительница многих рыбаков и охотников. Ее изобретение гениально и просто. Заготавливается четыре сухаря и два свежих бревна. Складывается на две сухаря одно бревно с одной стороны и точно такое же с другой, поджигается. Между ними такое расстояние, чтобы можно было обсушиться и не обгореть. Когда сухары прогорают, сгребают

угли и на них укладываются сырье, чуть подгоревшие, бревна. На месте, где был костер, настилается еловый лапник. Сверху натягивается тент. Снизу тепло, сбоку тлеют бревна. Согревать они будут до утра.

А утром одежда сухая, кости не ломит и хочется снова радоваться жизни. Единственно, что в этих случаях нельзя ни в коем случае - употреблять спиртное. Сколько людей, пренебрегших этим правилом, обгорели у костра или замерзли. Потеря контроля над собой всегда приводит к несчастью.

- Чего стоишь? Помогай. Сейчас снег пойдет.

Мы принялись за дело. Через полчаса уже не понять: то ли от дождя промок, то ли от пота. Так или иначе, когда запылало два костра, сухих вещей на мне не было.

Когда все было готово, пошел снег, как и предсказал Григорьевич. Быстро перекусив, уютно устроились между двух костров, заснули.

Утром вокруг нас было все бело от снега. Нас это не обрадовало: надо было разбирать сети, выпутывать рыбу. Делать это, когда провязы смерзлись, и в них запутанная рыба, ох, как мерзко и холодно. Тем не менее, мы, молча, принялись за работу. Когда чувствительность пальцы теряли, надевали перчатки, заботливо припасенные старым другом.

Между тем погода продолжала буйствовать. Ветер завывал, как зимой. Волны на реке были полутораметровые, что большая редкость в Среднем Приобье. По прогнозам Григорьева, ждать улучшения погоды не стоит, поэтому решили выбираться прямо сейчас. Но для того, чтобы попасть в нужную протоку, надо переплыть на другой берег Оби.

- Рискнем? - товарищ был как никогда серьезен, - иначе куковать на этом месте еще суток трое.

- Только за рулем ты, - поставил условие я, честно говоря, испугавшись непогоды.

Уложили вещи, закрыли пленкой, завели мотор и трону-

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

лись. Но чем дальше мы отплывали от берега, тем больше становилась волна, тем чаще стали проваливаться между ними. Сердце, казалось, выпрыгивало из груди, появился холодок в желудке - признак того, что происходит нечто страшное. Мы уже не разговаривали. Григорьевич, вцепившись в руль, старался лодку вести на гребне, чтобы нас не захлестнуло.

Вода бурлила за бортом. Дух захватывало: полтора метра волна, столько же между волнами провал! Мотор ревел и захлебывался. Порой казалось, что все кончено - сейчас накроет волной, и мы камнем пойдем ко дну. Минуты тянулись так медленно, противоположный берег был так далек, что, казалось, этому кошмару не будет конца.

Одежда на мне покрылась коркой льда и не давала даже шевелиться. И только Григорьевич, стоя на ногах, упорно старался удержать лодку. Как это удавалось, одному богу известно и ему самому.

Но вот стало стихать. Я почувствовал, что швыряет лодку реже - приближались к берегу. И тут, видимо, последними усилиями, не желая нас отпускать, вода накатила прямо на корму, залив мотор! Стало тихо-тихо. Открыв глаза, увидел растерянное лицо деда и очередную волну, набегавшую на нас. Моментально лодку закрутило как щепку. Григорьевич в отчаянье крутанул руль и, о, чудо, нас вынесло опять на гребень, по которому пролетели те нужные метры, чтобы лодка не перевернулась. Не сговариваясь, схватились за весла и что есть силы стали грести: в трех метрах от нас находился куст ивняка - значит, берег.

Лодка ткнулась в песок, и ее тихо поволокло в заводинку. Мы сидели, бессильно опустив руки, ни о чем не думая. Было все равно: идет ли снег, дует ли ветер, целы ли мотор и весла. Апатия охватила все тело. Просидев так минут двадцать, старый рыбак подал голос:

- Где у нас водка?

- В бардачке.

Григорьевич попытался извлечь бутылку, но у него не получалось - не слушались руки. Только сейчас я обратил внимание, что он без перчаток. Из потрескавшейся кожи сочилась кровь.

В это время к нам подошел мужик, живший недалеко от протоки.

- Вы что, сумасшедшие? - поинтересовался он, - в такую падеру через Обь переваливать!

- Помоги, - обратился к нему дед, - достань бутылку.

Новый знакомый с недоверием поглядел нас: не разыгрываем ли, но все же достал.

- Открывай! - нетерпеливо прикрикнул Григорьевич.

Мужик торопливо отвинтил пробку и протянул бутылку ему. Дед, сделав три больших глотка, протянул мне. Через какое-то время мы начали потихоньку согреваться. Достали кружку и повторили еще по одной. Остатки спиртного предложили знакомому. Тот с удовольствием выпил и крякнул:

- Мужики, вы же были на грани...

- Знаем, - оборвал его Григорьевич, - значит, не судьба.

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Встреча
с редколлегией
журнала
«Родина».

Поэтов из Москвы
А. Парнaru и
В. Фомичева,
встретил
С. Юрченко

Обсуждение
итогов
литературного
семинара

Фото на память о встрече с М. Вагатовой

Очередное заседание клуба «Читатель & Писатель»

Читатели и почитатели на презентации книги В. Волковца
«Весенний день осени»

День поэзии

Крона

Евгений Бархатов

*Родился в Советском в 1984 году. Окончил РГСУ.
Работает в природном парке «Кондинские озера».*

Жизнь выбирает нас.
Много дает и даст.
Только возьмем ли мы
Блага, что нам даны?

Кто-то ленив и вял.
Кто-то сумел и взял.
Чей-то огонь погас...
Жизнь выбирает нас!

Его понятие придумано давно.
Наверно, чтобы жить удобно было.
Но вспять не повернется все равно,
Тягаться с ним не каждому по силам.

И это то, что обмануть нельзя.
Оно ж правдивей всех на свете.

И враг, и друг, конечно, и судья,
К тому же, нет честнее на планете.

Довольно относительно оно -
Людьми себе придуманное бремя.
И каждый миг - истории звено.
И это - всеобъемлющее Время.

Как быть, если хочешь веселья,
И хочешь деньгами сорить,
А сам умираешь с похмелья,
Ругая вчерашнюю прыть?

Наверно, ты занят вопросом
О том, как по жизни идти?
Любой капитан был матросом
В начале морского пути.

Ну что тут сказать? Все понятно.
Но как обойтись без помех?
Когда вам спиртное приятно,
Придется забыть про успех.

Валентин Степанов

Автор книг юмористических рассказов «Смехотерапия», «Смехокарусель», «Смехокалейдоскоп», «Смехонад».

*Член Союза писателей России.
Живет в Советском.*

Кодирование

Утром проснулся от шума за стенкой. Через минуту сосед прибежал. Лицо поцарапанное, глаза «белые».

- Выручай, Петрович! Чубайс буйствует. Всю ночь где-то шлялся. Утром пришел весь в крови, ухо порвано, орет. Похмелится просит.

- А что нужно?

- Да что угодно! Все пьет, паразит!

Схватив флакон одеколона, скрылся за дверью. Минут через десять вернулся. Сел, закурил, прислушался к чему-то и стал рассказывать.

- На помойке нашел. Смотрю - лежит, шерсть клочками, облезлый, еле живой. Жалко стало. Принес домой, на кормил, обогрел, валерьянкой напоил - любят они ее. С того все и началось. Сел на пузырек капитально. Не дашь - орет. А тут к спиртному пристрастился. Бывало выпиваю, ему плесну. Потеха с ним: выпьет - ходит, шатается, потом упадет и спит. Дальше - больше: из рюмок стал допивать. С вечера оставил себе на опохмелку - утром проснешься - пустая. Как бы, думаю, не спился. Как в воду глядел. Спим как-то с

женой, слышим сквозь сон кошачий рев. Глаза открыли - Чубайс. Сидит около койки, трясеется и блажит, что есть дури. Успокоился, когда в блюдце бражки налил. На другой день то же самое.

С тех пор кончилась наша спокойная жизнь. Жена посоветовала: давай, говорит, отвезем его к ветеринару, пусть посмотрит. Так и сделали. Замотали его в одеяло и повезли в ветлечебницу.

Ветеринар выслушал нас, осмотрел пациента.

- Алкоголизм, - сделал он грозное заключение. Тут же привязал Чубайса к столу, дал понюхать ватку со спиртом, потом валерьянкой, и ловким движением мазнул скипидаром под хвостом. Больной дико закричал и стал вырываться. Лечение продолжалось до тех пор, пока глаза несчастного не вылезли из орбит. В конце сделал контрольный мазок и сеанс закончился.

С тех пор кота не узнать. Пить бросил. Всеми днями лежит на подоконнике и глядит на все грустными глазами.

Не радует даже подружка, которая приходит под окно, пытаясь пробудить к себе прежний интерес.

Новым методом лечения заинтересовались представители официальной медицины. В некоторых лабораториях уже проходят испытания на людях. Результаты обнадеживают. Новинка получила название «Метод скипидарного кодирования».

Депутат

Друг в депутаты подался. Политикой стал заниматься после того, как ему голову в дверях прищемили.

Я его с детства знаю: свое нигде не упускал. Обмануть кого, для него первое дело.

Тут как-то встретил и не узнал: костюм итальянский, туфли, галстук-бабочка... Я всю жизнь вкалываю, а о таком

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

прикиде даже не мечтал.

Пригласил меня к себе, выпили - разговорились.

- Ты, - говорит, - Николай, от работы скоро горбатым станешь, а что имеешь? Жену, кучу детей, времянку и долги. Хочешь научу? Тут главное - попасть в струю. Скажу как другу: лучше депутатства ничего нет. Деньги, власть, опять же депутатская неприкословенность. Работа непыльная, чеши себе языком да поднимай повыше, чтобы начальство видело.

- Так, говорят, депутаты обманывают?!

- Эх, Коля, Коля! Да кто у нас не обманывает. Нас обманывают, мы обманываем - кругом обман. Садись, будем сочинять тебе предвыборную программу. Значит так, первым делом сыграем на пьянстве. Пиши! Семьи, в которых расходы на алкогольные напитки превышают половину совокупного дохода, будут субсидироваться из фондов социальной защиты населения. Написал? Идем дальше. Женщинам не хватает мужиков? Так и запишем: всем одиночкам - по мужику и любовнику, а то и по два.

Берем ЖКХ. Эту бездонную пропасть, эту «черную дыру» экономики страны. Пиши! Всем гражданам, не имеющим жилье - по коттеджу и загородному домику. Коммунальные услуги - бесплатно! Кто там еще? Пенсионеры, эти неутомимые строители коммунизма, живущие за чертой бедности. Таких обмануть - пара пустяков. Доверчивые они, наобещай - поверят. Запишем так. Довести базовую часть пенсии до 100 000 рублей в месяц с последующей индексацией в соответствии с инфляцией. Бесплатные путешествия по миру на белоснежных океанских лайнерах.

Запредельные цены на продукты, лекарства, бензин? Этих мародеров сразу под суд с конфискацией имущества.

Потерянное поколение не забудь. Тащатся от пива и наркотиков - пожалуйста! Всем гражданам от 18 до 30 лет бесплатная доставка пива и наркотиков на дом.

Да, вот еще! Обязательно укажи, что родителей не помнишь, воспитывался в детском доме. Написал? Ну вот, считай, еще один депутат родился. А то, что слабоват на голову - это не беда. Главное, про совесть забудь.

Скажу сразу: по своему избирательному округу я набрал больше всех голосов и вошел в состав Думы.

Сидим как-то с женой, рассуждаем.

- Ну, - говорит, - теперь заживем. Развалюху сменим на коттедж. Загородный домик тоже не повредит. Долго еще говорили, уснули только под утро. Проснулся от сильного стука в дверь. Открываю - мужик. Глаза красные, трясеется, как в лихорадке.

- Здесь, - спрашивает, - депутат, который пиво обещал?

- Здесь, а в чем дело?

- Тогда я к вам.

Я стал объясня员ь, что он неправильно понял, что нужно сначала обратиться с заявлением, записаться в очередь. Но вид просителя говорил о том, что ждать ему некогда. Пришлось отдать все пиво из холодильника.

Не успел закрыть дверь - звонок.

- Кто там?

- Мы к депутату насчет коттеджа.

- А его дома нет, он в командировке.

Ответ, похоже, не устроил, стали выламывать дверь. Ну, думаю, пора напомнить о депутатской неприкосновенности и взял в руку табуретку. От сильного напора дверь не выдержала и с треском ввалилась внутрь помещения. Я что было сил ударили первого и выпрыгнул из окна. Заскочил в подворотню и затаился. Толпа с ревом пронеслась мимо. Женщины размахивали бюстгалтерами, истерично кричали, требуя мужской ласки, алкоголики и наркоманы, выпучив глаза, бежали следом.

Ночью по водосточной трубе через балкон залез к себе

в квартиру. Жена сидела, как зомбированная, испуганно смотрела на меня и тряслась всем телом.

С тех пор от депутатства отказался. Не мое это. Да и друг мой, после того, как его крепко побили, понял, что депутатская неприкословенность - вешь ненадежная.

Гарантия

Что ни говорите, а любят мужики полных баб. Мы, говорят, не собаки, чтобы на кости бросаться. И это правильно. Посмотришь на худых - тоска берет. Одна арматура.

Я к своей полноте относилась спокойно до тех пор пока вес не перевалил за центнер. Вот тут-то и начались проблемы. Что только ни делала: диеты, голодания, бег - все бесполезно.

А тут как-то прочитала в газете объявление: «Если вы хотите быть стройной, как горная козочка, приобретайте у нас препарат «Антитолстин». Стопроцентная гарантия.

Раз, думаю, гарантия 100%, надо брать и выписала с предоплатой на солидную сумму.

Прошел месяц, второй - препарата нет. Стала переживать, нервничать, появились тревожные опасения, пропал сон и аппетит.

Решила напомнить - отбила телеграмму.

Прошел еще месяц напрасных ожиданий. Появился нервный тик, боли в области сердца и полное безразличие к пище. Контрольное взвешивание показало - сброс тридцати кило веса. Тревога нарастала, поэтому напомнила о себе еще раз. На следующий день пришла «молния»: «Антитолстин» отправлен железной дорогой. Почтовый потерпел крушение. Ведется следствие».

Ждать больше не было сил. Аппетит пропал окончатель-

но, появилось снохождение и галлюцинации.

Через месяц покачивало на сквозняке, обозначились ребра и лопатки, глаза ввалились. Взвешивание показала сброс еще тридцати килограммов. Потраченные напрасно деньги не давали покоя, С постели уже не вставала, выглядела, как мумия.

Если хотите похудеть, выписывайте препарат «Антитолстин». Гарантия 100%. Не забудьте о предоплате. И через полгода себя не узнаете.

Фэн - шуй

Раньше полный был, а тут худеть начал. Жена у меня санитаркой работает - все болезни знает.

- У тебя-, говорит, - солитер.

На другой день пошел в поликлинику. Взял талон к инфекционисту. Захожу. Смотрю - мужик в белом халате. Лицо опухшее, глаза красные.

- Заболел? - спрашивает.

- Да, похоже, солитер.

- А это сейчас проверим. Снимай штаны!

Я удивился, потом решил, что так надо и снял.

- Наклонись! Раздвинь «шаровые»!

Я раздвинул. Закрыв один глаз ладошкой, он глянул под копчик.

- Да, он самый! Здоровый, чертяка! Будем брать фэн-шуем. Слыхал?

- Как это?

- На приманку. Поллитра водки, пара сосисок - и порядок.

Я сбежал в магазин и принес нужный реквизит.

Фэншиист отпил из горлышка и громко крякнул.

- Для входа в транс, - пояснил он и закурил. Докурив си-

гарету, допил содержимое бутылки и занюхал спичкой.

- Для входа в астрал, - заметил вскользь.

- Берем, стало быть, сосиску и привязываем ее к «початку». Паразит чувствует запах, высовывает голову, я бью молотком и, как говорят у нас на смоленщине, ауфвидерзейн.

После этого он закатил глаза под лоб и начал шептать: «Киндер-пиндер-запупиндер-шурры-муры, тра-ля-ля».

Пошептав магическое заклинание, и, плонув через левое плечо, постучал костяшками пальцев себе по голове. Затем взял молоток, устроился на табуретке и приставил палец к губам.

Скоро алкоголь подействовал и фэншиуст с грохотом свалился на пол. В это время у меня в животе заурчало, забулькало... Я ткнул кудесника в бок, давая понять, что пора. Он с трудом открыл глаза, схватил молоток и, что было сил, ударили. Потом еще, еще, еще... От страшной боли я потерял сознание.

Когда очнулся, целителя уже не было. Хотите верьте, хотите - проверьте, но с того дня пошел на поправку. Появился аппетит и румянец на щеках.

А фэншиустом оказался слесарь-водопроводчик из местного ЖЭКа, он в кабинете ремонтировал кран.

В настоящее время он проходит лечение в наркологии.

Диспансеризация

Народ у нас вымирает, поэтому решили провести диспансеризацию населения, выяснить причину, и наметить планы по его оздоровлению. Хотя и раньше это было, но что-то не заладилось, в результате получилось, что наши люди оказались самыми здоровыми на планете, редко болеют, правда, и живут недолго. Феномен объяснили тем, что народ у нас

закаленный суворой природой, живет - всем бы так, а рано умирает от переедания.

В верхних эшелонах посоветовались и решили, чтобы увеличить продолжительность жизни, нужно повысить уровень выявляемости заболеваний, а чтобы меньше ели, нужно снизить уровень материального благосостояния.

Диспансеризацию начали с размахом. Накупили всякие УЗИ - «Музи» - и процесс пошел. Компанию организовали под лозунгом «Было бы здоровье - болезни найдутся!»

И вот настал день, когда мы с женой получили долгожданное предложение на обследование. Здоровье не беспокоило, но пошли ради интереса.

Первым был кабинет психиатра-нарколога. Жена вошла. Что случилось, но минут через десять вышла, как очумелая. Лицо бледное, глаза ввалились, волосы дыбом. Пошла по коридору, наткнулась на меня, но не узнала. Спросила, как пройти в психиатрическую больницу и, не дождавшись ответа, вышла из помещения.

В это время из кабинета донеслось: - Следующий! Я вошел.

За столом сидел мужчина, похожий на автопортрет Петрова-Водкина. Оглядев меня проницательным взглядом, спросил:

- Что беспокоит?
- Да, в общем-то, ничего. Здоров.
- А если честно? В глаза! Положа руку...
- Я и говорю честно.
- Насчет спиртного как?
- Бывает, по праздникам, с устатку...
- И часто устаете?
- Да как сказать. Раз на раз не приходится. Работа тяжелая. Выпьешь вечером, расслабишься и спишь как убитый. Утром свежий, голова не болит.
- А если не выпьете?

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

- Если не выпью - болит.
- Интересно! Значит, если выпьете - не болит, а не выпьете - болит?

- Ну, да.

- И после этого вы еще говорите, что здоров! Алкоголизм у вас! Скажу сразу, - продолжил он вкрадчивым голосом, - болезнь тяжелая, но помочь можно.

Я вежливо поблагодарил, сказал, что он чуткий и добросердечный доктор.

- Идем дальше, - продолжил он. -Что можете сказать о раннем детстве, школе, походах у костра?

- О раннем детстве мало помню, а вот о походах - это с удовольствием. Особенно костры... Огонь - моя стихия. Всегда был костровым, любил грешным делом запалить.

- Наверное, и дома поджигали? Здание РОВД - не ваша работа?

- Не помню, - растерялся я.

- Можете не отвечать. Картина ясная. Алкоголизм, осложненный слабоумием и пироманией.

- Что это?! - испугался я.

- Это страсть к поджогам, уважаемый! В интересах общественной безопасности направляю вас в психиатрическую больницу.

- Надо бы с женой посоветоваться.

- Не беспокойтесь, она уже там. Проведете у нас остаток жизни в любви и согласии. Да и соседям будет спокойнее.

Я представил страшную картину и сполз со стула.

Очнулся в смирительной рубашке. Рядом стояла медсестра со шприцем. Я начал вырываться, кричать: «Не имеете права, я здоров!»

Она смеялась.

- У нас здоровых не бывает. Бывают недообследованные. И с размаху засадила иглу в ягодицу.

Выписались с женой через месяц. Что с нами было, от чего лечили - не знаем, но всем говорим, что помогло. А не будь диспансеризации... То-то и оно...

Этикет

Пригласили на встречу творческой интеллигенции. Честно сказать, на таких мероприятиях я чувствую себя неловко. Там столько вилок и ножей - с ума можно сойти. Вилки с одной стороны, ножи и ложки - с другой. Попробуй разберись. Жена подсказала:

- Главное, сиди спокойно и наблюдай за остальными. Выпил, закуси, расскажи что-нибудь веселое. Только не свои пошлые анекдоты. За столом не кури и не матерись. Чаще говори «благодарю вас», «пожалуйста», «селяви». Руки и губы о скатерть не вытирай, на пол не плой. И без всяких «уважаешь - не уважаешь». Вилку держи в левой руке, нож и ложку - в правой. Котлету отрезай мелкими кусочками и накатывай ножиком на вилку. Руками еду не бери.

- Да за кого ты меня принимаешь!?

- Ладно-ладно, не сердись. Если что забудешь, смотри на других и делай так же.

Зная мою слабость к дамам, предупредила:

- Смотри у меня! - и потрясла кулаком у носа.

Да, думаю, на таком банкете поседеть можно. То ли дело у нас в гараже! Соберемся вечерком человека три-четыре, постелим на капот мешковину, лучок, селедочка, ломоть черного хлеба - чего еще надо! Никакого тебе этикета, а отрываемся по полной программе. Накинем по стакану беленькой, хрустнем лучком, закурим, за жизнь говорим. После второго - анекдоты с картинками. Все друг друга уважаем, и это главное...

На встрече докладчик рассказал о культурной жизни

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

района, о роли передовой интеллигенции на текущем этапе. В конце поощрили лучших и всех пригласили к столу. Предложение было принято с пониманием и одобрением.

Напротив меня оказалась сексапильная дама с большим декольте. Слева - начинающий поэт, справа - лысоватый мужчина интеллигентного вида в модных очках и бабочке.

Я глянул на пышную грудь дамы и забыл наказ жены.

Каждый налил себе что хотел и сколько. Из-за стола поднялся сосед справа. Он так долго говорил тост, что я не выдержал:

- Сколько можно всухомятку слушать, водка стынет!

Все меня поддержали, заулыбались. Сидящие рядом чокнулись, сделали по глоточку и поставили бокалы, хотя чувствовалось, что хотели выпить до дна.

Я не понял:

- А вот это не по-нашему! Зло держать не надо! - И одним махом опрокинул содержимое бокала в рот. Все меня опять поддержали. Похвалили. Слегка закусили и, поглядывая друг на друга, с нетерпением стали ждать следующий заход.

Скоро у меня терпение лопнуло. Поднялся, сказал, что рыба по суху не ходит и наполнил бокал. Остальные с удовольствием сделали то же самое.

Дамочка с декольте, кокетливо оттопырив мизинец, двумя мощными глотками влила в себя горячительную жидкость. Тут же наполнила еще бокал, который тоже попал по месту назначения. После чего взяла вилку в левую руку, нож - в правую и стала закусывать. Фиксируя котлету вилкой, ножом отрезала от нее небольшие кусочки, добавляя немного гарнира и ловко отправляла все в рот. Я попытался сделать то же самое, но убедился, это не так просто. Как ни старался, но закусить не удалось: то вилку не мог загрузить, то котлета падала на брюки. В общем, вспотел капитально.

Туман в голове сгущался, но видимость сохранялась, по-

этому на ломаном русском предложил выпить еще.

Как дама с декольте оказалась у меня на коленях, не помню. Слабаки, уронив головы в салат, мирно похрапывали. Зная дикий нрав поэта, ножи и вилки у него отняли сразу, поэтому он закусывал руками. А когда полез под стол за упавшей котлетой, зацепил край скатерти и все содержимое стола опрокинул на себя. Больше за столом его не видели.

Тут и горячее подали. Лысый интеллигент справа безуспешно тыкал ножом в поданое блюдо. Кто-то сунул ему в руку ложку, после чего он вяло похлебал из тарелки, плюхнулся в нее лицом и стал захлебываться. В последний момент бедолагу вытащили, сделали искусственное дыхание и уволокли в подсобку.

Пьянка подходила к концу. Одни ушли, другие сдвинули вместе несколько столов и продолжали веселье.

Когда все упились вусмерть, заиграла музыка, что послужило сигналом к танцам.

Лежащий на полу сотрудник администрации неожиданно подал признаки жизни и резво засучил ногами, пытаясь попасть в ритм мелодии. Затем с трудом вскарабкался на стул, хлебнул из бутылки и окончательно выпал в осадок.

Любители слабого пола тискали дам в закутках, другие ползали под столом и хватали женщин за колени.

Сидевшая у меня на коленях особа матерно ругалась. Курила одну сигарету за другой, и стряхивала пепел в широко открытый рот, лежащего на полу мужчины. Несколько человек что-то не поделили и устроили потасовку. Помню, как лицо обожгло чем-то горячим и все, дальше провал памяти.

Далеко за полночь жена обнаружила меня спящим на столе. Ругала последними словами. Правда, потом похвалила за выносливость: раньше, говорит, засыпал в салате, а в этот раз уснул в горячем, молодец.

Симулянт

Наслышался про дедовщину, нет, думаю, пусть расстреляют, а служить не пойду. Решил закоситься. Оказалось, что берут всех подряд, даже безногих и одноглазых. Раньше с плоскостопием браковали, теперь всех - в ВДВ. У них, говорят, стопа устойчивая - как раз то, что нужно для приземления с парашютом.

Глаза нет - берут в стрелки. Там два глаза не нужно, все равно прицеливаться одним. Вы не поверите! Инвалидов-колясочников стали брать! В погранвойска! Пусть, говорят, сидят в засаде, отслеживают продвижение шпионов и докладывают на заставу.

Скоро мне повестка пришла. Предписывалось в срочном порядке прибыть в военкомат с рюкзаком.

Я надел трое штанов, фуфайку, поверх нее старую отцовскую гимнастерку, нацепил медаль «За победу над Японией» и явился по указанному адресу.

Председатель комиссии долго рассматривал меня. Да-вайте, говорит, направим его сразу к психиатру, уж больно он какой-то странный, как бы чего не натворил. Я свел глаза к носу, открыл рот и шагнул в кабинет.

Психиатр оказался опытным. Не успел закрыть двери, он:

- Дважды два?

-Двадцать два

-Трижды три?

-Тридцать три.

-От двух - семь?

-Двадцать семь.

-Ну что ж, с головой у вас все в порядке. Толковые ребята в армии нужны. Годен!

Я насторожился.

Следующим был невролог. Смотрю, у дверей чьи-то ко-

стыли. Решение пришло мгновенно. Пристраиваю их под мышки, сгибаю одну ногу в колене, на другой прыгаю. Глаза закатил, упал и начал биться об пол. Врач долго смотрел, потом как даст с дуру молотком по коленке. Я не успел вскочить, он еще и по голове добавил. Ноги дернулись и подскочили вверх.

-Ну что ж, голова у вас крепкая, ноги сильные, будете служить в части армейского футбольного клуба. Ваша задача - стоять во вратарской площадке противника и костылями переправлять верховые мячи в ворота. К службе годен!

Тут я совсем скис. Сохранилась надежда на окулиста. Дрожащими руками нашупал дверь и вошел в кабинет. Сделал несколько шагов, наткнулся на стул, опрокинул его, зацепился за стол. Падая, ухватился за окулиста, и вместе с ним грохнулся на пол. Он оказался подо мной, визжал и вырывался, но я держался крепко. Растищили нас с помощью персонала. Окулист кое-как успокоился и приступил к обследованию. Из всех показавших мне букв я правильно назвал только одну, самую крупную на плакате «Спартак - чемпион!» Стал думать, что со мной делать. С одной стороны почти слепой, с другой - мертвая хватка, незаменимая в единоборстве с противником. В конечном счете признал годным в условиях ближнего боя.

Я так расстроился, что пошел по стенке, ударился о дверь и вывалился в коридор.

После окулиста сил больше не было, поэтому к лор-врачу меня занесли. Тот с расстояния нескольких шагов стал шептать слова. Я молчал, делая вид, что не слышу. Он что есть мочи стал кричать в уши. Кричал, пока не посинел. Потом посмотрел на меня, плонул и признал годным.

Последним был хирург. Тот, долго не думая, сказал, что у меня заворот кишок и признал годным.

Из всех обследованных призывников я оказался самым здоровым, поэтому был рекомендован служить в Кремлевском полку. Так что завтра - в Москву!

Людмила Ветрова

Родилась в Казахстане. Окончила филологический факультет Усть-Каменогорского пединститута.

Преподавала в школе русский язык и литературу, работала на Советском районном телевидении. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Ведьмин круг», «Удивленное лето». Живет в Санкт-Петербурге.

Ты отрекаешься? Не надо,
Не стоит сил.
Я буду рядом, буду рядом,
Как ты просил.
Когда стихам моим родиться
Наступит срок,
Ты будешь тем уже гордиться,
Что ты листок.
Ты будешь тем уже гордиться,
Храня стихи,
Что смог руки моей добиться,
Хотя б руки...
Но ты бессильем озлобленный,
Не подождешь,
И этой злой опьяненный,
Себя сожжешь.
Кусая свои губы с болью,
Сожжешь судьбу.
А я к тебе – твоей же кровью –

Через губу!
Ты отрекаешься? Не надо.
Мне хватит сил
За нас двоих. Я буду рядом. Как ты просил.

Старый тополь похож на бомжа,
Что валялся на старой подушке,
Вот он встал, виновато дрожа,
Весь в пуху от корней до макушки.

Я давно уже знаю его
И привыкла к нему, как к болезни,
Не изменится здесь ничего,
Даже если он завтра исчезнет

Как-то мы по привычке живем,
Консервируя свежую память,
Фотографии клеим в альбом,
Где, увы? Ни отнять, ни прибавить.

Вот и я незаметно умру,
Если станет однажды не жаль мне,
Что живая листва на ветру
Стала просто обоями в спальне.

Тихо-тихо, сладко-сладко
Буду я тебя любить,
Как лучинка, как лампадка

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Для тебя в ночи светить.
Мне с тобой не будет трудно,
А сгорю – сгорю любя.
Даже пеплом помнить буду,
Как любила я тебя.
Как лучинка, как лампадка
Пусть когда-то догорю.
Но любить я буду сладко,
Я не сладко не люблю.

Капля за каплей – дождь,
Мигом за миг – минута.
Как ты теперь живёшь?
С кем ты встречаешь утро?
Где ты, мой милый друг?
Больше тебя не слышу,
Всё же надеюсь: вдруг
Ты мне письмо напишешь.
Верю: когда-нибудь,
Может быть, очень скоро
Ты объяснишь мне суть
Прошлого разговора.
Верю: приду домой,
День проведя без толку, –
Господи, Боже мой,
Ты наряжаешь ёлку!

Молитва

Господи! Даруй мне жизни свет
И не храни от сладкого испуга,
Когда опять увидим мы друг друга,
Сойдя на землю через сотни лет.

Пусть будет боль израненного сердца
Стучать в висках растрченных веков.
Не дай мне, Бог, не испытать оков
Святой любви! Какое совершенство

Уметь любить, и плакать, и прощать,
Идти в ночи, лицо подставив выюге,
Дышать навзрыд, легко судьбой играть,
На миг забывшись, утонуть друг в друге!

О, Господи! Не погневлю тебя
И с уст моих проклятье не сорвётся,
Но в миг, когда исчезну я, любя,
Пусть чьё-то сердце для любви проснётся.

Алексей Кандауров

Родился в г. Рубцовске Алтайского края в 1955 г. Трудился токарем-фрезеровщиком, сварщиком. Активный участник региональных творческих конкурсов и фестивалей поэзии и авторской песни. Последние 20 лет живет в п. Алябьевском.

Я необъезженный степной скакун,
Горячей крови бешеные токи,
Таких всегда ценили на востоке,
Сын страсти, не угасшей сорок лун,
Слуга любви прекрасной и высокой.

Мне слабых и трусливых не понять,
Но перед дерзкой статью амazonки
Я становлюсь послушнее ребёнка,
Себя ей позволяя оседлать,
И трепещу, внимая голос звонкий.

И это высшая из всех наград,
Попасть в объятия прекрасных ножек.
А жар и дрожь, бегущие под кожей,
Меня бросают в самый сладкий ад
Греха, рождённого в раю, быть может.

Где бёдра к бёдрам и шальной посып
Меня пошлёт в галоп неудержимый,
Где я всего себя отда姆 любимой,

Я ради этого мгновенья жил,
Чтоб с ней на век оставаться неделимым.

Я необъезженный степной скакун,
Горячей крови бешеные токи,
Таких всегда ценили на востоке,
Сын страсти, не угасшей сорок лун,
Слуга любви прекрасной и высокой.

Тополиная будет метель
Очень скоро, и пусть она будет,
Кто-то любит весну и капель,
Кто-то зиму морозную любит.

Мне метель подарила любовь
И не важно, зима или лето,
Не оценишь охапкою дров
То, что сердцем, душою согрето.

Тополиная схлынет пурга,
Будет в зелень природа одета,
Но сияют берёзок снега,
Много в мире метельного цвета.

В белой пене черёмух в лесу,
В небе крыльями аиста машет,
Я любимой его принесу
Самым первым букетом ромашек.

Вот плывут в синеве облака
Лебединого, чистого блеска,

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

В предрассветном тумане река,
Словно в светлом наряде невесты.

Кто-то любит весну и капель,
Кто-то зиму морозную любит,
Тополиная будет метель
Очень скоро, и пусть она будет.

Плыёт над Русью колокольный звон,
Мелодия красивая, живая,
Он мне и дорог, и давно знаком,
Напев родной земли, родного края.

К заутрене сзыает благовест,
И звук теплом на сердце отзовётся,
Но если слышен звон самих небес,
Такой набатом издревле зовётся.

Трель бубенцов на свадьбу позовёт,
В ней песня соловья начала мая,
И праздничный трезвон округ идёт,
Такое никогда не забывают.

У всех свои имеются дела,
Их узнают и сразу понимают,
А перезвон во все колокола
Малиновым с любовью называют.

От школьного весёлого звонка
До звонов, призывающих на тризну,
Звучат они сквозь годы и века,
Простые голоса моей Отчизны.

Галина Логачева

Родилась на юге Тюменской области. Более 30 лет живет в Советском. Имеет высшее профессиональное культурологическое образование. Работала в районном ДК, редакции газеты «Путь Октября», руководила Советским телевидением. Член Союза журналистов РФ.

Как спасатель принцессу искал

Гулял по земле ветер-ветерок. Дул он над песчаными барханами и над вековыми сосновами корабельными, над степными маками весенней порой и над пшеничными полями золотыми осенними денечками, над водой гулял и над сушей, по горам и по равнинам хаживал, а потом устал и улегся спать у теплого моря на дне глубокой пещеры.

Спит ветер и слышит сквозь сон, как будто плачет кто-то. Открыл он глаза и видит, сидит на камне девочка. Волосы у нее спутались, платье разорвалось, на одной ноге башмачок, а вторая босая.

- Кто ты? - спрашивает девочку ветер. - Откуда здесь взялась и почему плачешь?

- Как же мне не плакать?- отвечает девочка. - Жила я с папочкой и с мамочкой, была их любимой дочкой, ни в чем нужды и горя не знала, а теперь сижу босая, голодная и расстрепанная. Разве принцессы бывают такими замарашками? Кто меня такую полюбит? Кто замуж возьмет?

- Да откуда же ты взялась, принцесса? - удивляется ве-

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

тер. - Как сюда попала?

- Да ты же сам меня и забрал. Над землей поднял, по разным странам носил, пока сюда, в пещеру не опустил. Кабы знала я, что ты меня украдешь, ни за что бы не пошла в сад одна гулять.

- Ну и ну, - задумался ветер, - это я так заигрался, что не заметил, как девочку украл. Вот случай, так случай! Что же мне теперь с тобой делать?

- Первым делом, помоги мне умыться, причесаться и платье заштопать.

- Я не умею платья штопать, - говорит ветер. - Огонь раздуть, или тучу дождевую пригнать, чтобы можно было воды набрать - это, пожалуйста, а шить я не могу, да и волосы за плетать мне пока что не приходилось.

- Обточи мне камушек, как иголочку, принеси травинку вместо ниточки, дуй в лицо, чтобы волосы по ветру развивались, выпрямлялись и расчесывались. Ну, а тучку с дождем над теплым морем найди, чтобы мне не холодно купаться было. А больше пока я от тебя ничего не прошу.

Выполнил ветер все пожелания своей нечаянной гостьи. Она платье зашила, лицо умыла, косы заплела и спать легла. Спит, улыбается. А ветер ее тихонько качает да песни напевает.

- Унес бы, - говорит, - красавица, я тебя домой, да кто же знает, где он, твой дом. Гулял я по всей земле без разбора, и навряд ли теперь отыщу тот уголок, где нечаянно подхватил принцессу в свои объятья.

Осталась жить принцесса под крылом у ветра. Он о ней как мог заботился, ухаживал, оберегал. А она ему песни пела и из походов ждала.

А король с королевой, не дождавшись с прогулки из сада своей принцессы, объявили всемирный розыск. Отправили объявления на радио и телевидение, напечатали во всех газетах и даже в Интернет поместили: так, мол, и так, потерялась принцесса, вес, рост и возраст сообщаем, глаза синие, нос курносый, туфли импортные - в общем, красавица, как и все настоящие принцессы. Кто чего-нибудь знает, просим сообщить, а если кто саму принцессу найдет, тому награда выйдет, какую запросит. Гонцы с редакциями связались, по городам и весям объявления разослали, на Первый канал в программу «Жди меня» заявку отправили, в Интернете по всем системам опубликовали.

Король с королевой получили подробный доклад о принятых мерах и стали, сидя во дворце у окна, результатов ждать.

В это время на окраине большого города в своем офисе у компьютера сидел молодой человек по имени Володя. Был он профессиональным спасателем. Это значит, что если у кого-нибудь неприятности случались: дверь захлопнулась или кошка на дерево забралась, да мало ли что в жизни бывает,- Володя всех выручал, всем на помощь приходил и денег за это не брал. Кстати сказать, тому, кто за добрые дела денег не берет, в жизни везет. Потому что добрые дела всегда сторицей возвращаются. Только Володя не поэтому денег не брал, он даже и не знал про это. Он был принципиальный. Считал, что люди должны всегда помогать друг другу бескорыстно.

Подключил спасатель свой компьютер к глобальной сети и видит объявление в Интернете:

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Король с королевой разыскивают принцессу, рост, вес и возраст указан, глаза синие, нос курносый... Тому, кто найдет, награду обещают, какую запросит.

- Наверное, сильно переживают, раз любую награду готовы заплатить,- думает Володя. - Надо помочь людям. Не за награду, конечно, а из сострадания.

Закрыл он свой офис на ключ, сел на старенький жигуленок и поехал дворец искать, чтобы узнать подробности об исчезновении принцессы.

Дорогу до дворца Володя у таксистов спрашивал. Таксисты народ бывалый, общительный, они если не все, то очень много знают.

- Езжай,- говорят,- на юго-восток, сначала по асфальту, потом по грунтовке, а после километров пятнадцать по лесной дороге между пшеничных полей и березовых аллей прямо к замку, не сворачивая.

Едет Володя по асфальту на юго-восток от большого города, видит, водитель «КамАЗа» автомобиль ремонтирует - сломался на дороге - с кем не бывает?

Остановился Володя, помог человеку неполадку устранить, на прощание они номерами мобильных телефонов обменялись, и поехали каждый по своим делам.

Едет Володя дальше, с асфальта на грунтовую дорогу свернул, видит, возница на лошади воз сена накладывает. Остановился спасатель, помог мужику воз завершить, веревкой затянуть и в путь отправиться. На прощание опять же номерами телефонов обменялись, руки друг другу пожали и поехали каждый в свою сторону.

Едет Володя на своем стареньком жигуленке по грунтовой дороге, за ним пыль столбом стоит. Во все глаза смотрит водитель по сторонам: как бы не пропустить нужный поворот на лесную дорогу. Да куда там. Доброму человеску все вокруг помогает, вот и здесь, на дороге, откуда ни возьмись, велоси-

педист появился. Остановился Володя, спрашивает:

- Где тут поворот на лесную дорогу между пшеничных полей и березовых аллей к королевскому замку?

- Вот, здесь,- говорит велосипедист.- За ракитовым кустом направо будет. А Вы кто такой и зачем в наше королевство едете?

- Я спасатель, собрался искать вашу принцессу, а в замок еду за подробностями. Чтобы знать, откуда начинать, для этого надо разные обстоятельства выяснить.

- Понятно,- кивает велосипедист.- Запиши номер моего мобильного телефона, если трудно будет - звони. И я сам, и мой велосипед, в любое время придем тебе на помощь.

- Спасибо,- отвечает Володя. - Я уже по опыту знаю, что в жизни ничего случайного не бывает. Значит, и ты мне не просто так встретился, не просто так помочь предложил. Чувствую я, свидимся мы, брат, с тобой еще.

Пожали друг другу руки и разъехались в разные стороны.

Долго ли, коротко ли время идет - это у всякого на осо-бицу, только идет оно себе и идет, не кончается, в отличие от дороги, которая рано или поздно, да приведет тебя в нужное место.

Так и Володя: ехал, ехал, до замка доехал, на крыльце поднялся, в дверь позвонил. Дверь открылась, встречают его на пороге король и королева. Они издалека незнакомую машину увидали и сразу поняли, что это кто-то на выручку принцессе пожаловал. Дело в том, что к ним в замок, после объявления о пропаже принцессы, каждый день человек по восемьдесят приходило. И каждый хотел девочку найти, чтобы вознаграждение получить. Родителям с одной стороны радостно, что их дочку чуть ли не всем миром искать собираются, с другой стороны, претенденты уже все следы затоптали, а толку пока никакого нет.

Встречают они Володю, а сами думают: ну, вот, еще

один желающий поменять старый жигуленок на новый Мерседес пожаловал. Может быть, так и не хорошо думать, да их тоже можно понять, не от жадности эти мысли приходят, а от отчаяния. Претенденты-то все прежде, чем на поиск отправиться, условия вознаграждения обсуждают, договоры и контракты составляют, с юристами консультируются, у нотариусов заверяют. Вот старики и разуверились в человеческом благородстве.

Володя с ними познакомился, сказал, что объявление в Интернете прочитал, и попросил объяснить, при каких обстоятельствах девочка пропала. Король с королевой ему все подробно рассказали, в парк сводили, показали, где туфельку нашли, а саму туфельку, ему не отдали.

- Мало ли, - говорят,- зачем она нам еще понадобиться. Вас, претендентов на награду, много, а туфелька у нас только одна.

- На этом месте,- продолжают рассказ безутешные родители,- пропали следы нашей принцессы. Ни собаки, ни милиция не может обнаружить, куда девочка пошла.

- А что это у вас в саду кусты помяты, деревья поломаны?

- Так ураган в тот день был, он и набедокурил,- говорят самодержцы - Может быть, девочка спряталась куда-нибудь от ветра, а потом заблудилась.

- Все ясно,- сказал Володя,- большое вам спасибо за помощь, поехал я дальше вашу девочку искать.

- А договор подписывать будем?- спрашивают.

- Какой договор? - не понял Володя.

- О том, что мы Вам вознаграждение выплатим, какое Вы только захотите.

- Ах, этот! Нет, не будем подписывать,- говорит спасатель.- А вы разве без договора свое слово не сдержите? Разве вы своему слову не хозяева?

- Хозяева, хозяева,- закивали старики.- Сдержим, сдер-

жим, конечно, только вдруг Вы без договора поиски не начнете.

- Я уже начал,- отвечает Володя, направляясь к своей машине.

- Молодой человек! - закричал в след ему король - Возьмите, пожалуйста, туфельку. Мы думаем, что она вам понадобится больше, чем нам, и да поможет Вам Бог.

Взял Володя туфельку, сел в жигуленок и поехал назад в свой офис, узнавать в глобальной сети, где в последнее время ветры и ураганы бушевали, каких они там неожиданностей натворили и в каком направлении ушли.

Отличная штука Интернет. За полчаса спасатель выяснил, что в последнее время ураган случился только один, шел он с востока на запад, где крыши сносил, где лес повалил, где машины перевернул. Сильнее всего он в горах накуролесил, да вскоре там же и пропал.

Значит, думает Володя, надо его в горах искать. Где-то он там обитает: между скал и вершин, в долинах или пещерах. Прямо, как в воду глядел. Да и то, правда,- профессионал!

Подготовился спасатель к трудному путешествию: снаряжение проверил, провизию собрал, медикаменты кое-какие прихватил. Вдруг, думает, девочка травмирована или испугана, нужно будет ей помочь оказать. Взял карту, атлас дорожный и направился к своему старенькому жигуленку. Сел, ремни безопасности пристегнул, завел мотор и поехал, распевая свою любимую песенку:

*Через реки, горы и долины
Путь его нелегкий проходил.
На пути к победе
Спас он двух медведей,
Одного дракона победил!*

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Откуда к нему пришла эта песенка, Володя не помнил, но распевал ее всякий раз, когда предстояла трудная работа, песня у спасателя чем-то вроде талисмана была.

Принцесса, поселившись у ветерка, зря времени не теряла. Это раньше принцессы были такими капризными и избалованными, что чувствовали горошину под дюжиной перин и пуховиков. Нынешние принцессы считают своим долгом во всем быть примером для простых девочек: не только в манерах и беседе, но и в учебе, спорте, искусстве и даже в умении постоять за себя - это в том смысле, что принцессы не чураются нынче заниматься каким-нибудь восточным единоборством.

У нашей героини большого выбора учителей не было. Точнее сказать, у нее в пещере вообще никаких учителей не было. Разве только ветер? Так он всегда один-единственный прием применял: дул то сильнее, то слабее, вот и все его искусство. Иногда ему приходилось удирать - это когда он на рынке подхватывал корзину с фруктами или платье какое-нибудь для своей невольной пленницы, а хозяева вещей пускались за ним (точнее, за своими продуктами или вещами) в погоню. Но чаще, разыгравшись, он сам гонялся за курятами, порослями и разной другой живностью, гоняя ее по закоулкам.

Бывало, он подолгу носил ребятишкам воздушного змея, то поднимая его до облаков, то, наоборот, прибивая к земле, заставляя пацанов вновь и вновь бегать по улицам.

Наматывая пыль на босые пятки, они верили, что их змей вот-вот взлетит к небу. Вволю погоняв их, ветер вдруг вырывал безвольно висящего змея у них из рук и поднимал высоко-высоко над домами, так что нитка, на которой держался змей, неожиданно заканчивалась, и они, запыхавшиеся, не-

слись вслед за ветром и кричали из последних сил, чтобы он вернул им их игрушку.

Итак, принцесса осваивала окрестности своей пещеры. Нечего и говорить, что свой быт она обустроила очень скромно. Постель была сооружена на камнях, умываться принцессе приходилось талой водой, а одежду стирать в горном ручье.

Вы спросите: а почему же Ветер не унес принцессу обратно к людям? Даже если он не знал где ее дом, то в любом городе она могла бы пойти в милицию и рассказать о себе, а милиция уже нашла бы ее родных и друзей?!

Дело в том, что не каждый день ветер имеет силу, способную поднять настоящую девочку вверх и нести ее через реки и горы к людям в город. Одно дело погонять бумажку по улицам, или «змея» под облаками, и совсем другое - носить по воздуху человека. Много вы видели летающих людей? Вот, то-то и оно!

Пока ветер копил силы на следующий ураган, принцесса приспособливалась к жизни.

Устроив свой бесхитростный быт, она стала учиться лазать по горам. Ведь, не обязательно ветру носить девочку, она и сама могла бы уйти к людям.

Но так как пещера, в которой жил ветер была высоко в горах, то принцессе необходимо было научиться по ним передвигаться, преодолевать завалы и каменные реки, спускаться в каньоны и подниматься по скалам. Потихоньку она стала осваивать искусство ходьбы по горам без страховки. С утра, умывшись талой снеговой водой, наскоро перекусив каким-нибудь фруктом, принцесса надевала на ноги самодельные тапочки (свою туфельку она, если ты помнишь, потеряла в родительском саду), подвязывала голову косынкой и отправлялась покорять свои очередные высоты, прокладывать собственные горные тропинки, набивая синяки и шишки, искать дорогу к людям.

Володя ехал уже вторые сутки. Время от времени он останавливал машину, общался с местными жителями, спрашивал их про ураган, про ущерб, который он нанес местному хозяйству, не слышали ли они чего-нибудь необычного, не видели ли незнакомую девочку с голубыми глазами, курносую, босую или с одной туфлей на ногах.

Прохожие рассказывали об урагане, но никто из них не видел незнакомой девочки, не слыхал ничего необычного, что могло бы показаться интересным заезжему молодцу.

Наконец, один из местных жителей обмолвился, что слух о чудесах был, но что это за чудеса - он не знает.

- Как не знаете? - удивился Володя, - Вы-то о них от кого слышали?

- Однополчанин рассказал, по секрету.

- Что он конкретно рассказал?

- Что в наших краях какие-то чудеса творятся, а какие он и сам не знает.

- А ну, поедем к однополчанину, - решительно завел мотор жигуленка Володя, - мне с ним поговорить надо.

- Отчего же не поехать, коль надо, - отвечает прохожий. - Только он на маяке работает, и залезть к нему не так-то просто будет.

- Ничего, - говорит Володя, - и не такие крепости штурмовали. Показывай, приятель, где этот маяк стоит, время - не ждет!

Поехали к маяку, по дороге познакомились: прохожий Алексеем назывался, а однополчанина, говорит, Ильей зовут. Мужик он не плохой, но нрава крутого. Чуть что не по его, сразу отношения выяснять лезет, может и побить ненароком. Оттого и живет бобылем: без жены и без детей.

- Ничего, - снова успокаивает Алексея Володя, - мы вся-

ких видали, да и сами не лыком шиты, разберемся!

Подъехали к маяку. Он, как и положено, стоит на берегу моря, кораблям дорогу показывает. Правда, сейчас на кораблях навигационное оборудование такое, что им никакие маяки не нужны, но огонек этот не столько для дела, сколько для души морской горит. Чтобы знали моряки, что их ждут на берегу, помнят о них и беспокоятся.

Илья на маяке не один год работал. Он там и жил, на самом верху, в небольшой, но уютной каморке.

Еще по дороге Алексей приятелю позвонил, сообщил, что едет к нему с гостем. Илья на это ничего не ответил, ни да, ни нет. Но Володя не из пугливых:

- Ничего, что хозяин не ласковый, мне не для развлечений, для дела разговор нужен.

Приехали, стали подниматься. Алексей опять однopolчанину звонит: может, подъемник включишь, а то по лестнице долго идти и тяжело. Илья отвечает:

- Не могу, энергию экономлю.

Поднялись, куда деваться. Алексей, конечно, мог бы и не ходить наверх, но не хотел Володю одного оставлять. Мало ли, думает, как там у них разговор сложится. Третий, он, порой, не лишний бывает.

А Илья, хоть и жесткий мужик, но все же некоторую неловкость чувствует. Встретил гостей приветливо, за руку поздоровался, представился, все честь по форме.

- Что за дело у вас ко мне? - спрашивает.

- Да, вот, говорят, что чудеса тут какие-то происходят. Не слышали ли чего? - заходит издалека Володя.

Илья на Алексея испытывающее посмотрел, понял, что с его слов гость о чудесах знает. Решил, что прятаться теперь смысла не имеет, опять же, зачем-то надо этому приезжему о чудесах знать: решил, рассказать все, что сам видел.

- Появилась,- рассказывает Илья,- какая-то диковинка в

наших краях. Днем я ее не замечал, а по ночам огни над морем вспыхивают. Да так ярко, что, вроде, горит что-то. Далеко в море, но видно хорошо. Я сначала думал, что это пожар на барже или баркасе, а потом понял, что нет, не пожар: огонь не постоянно горят, а вспышками. Да и не слыхать о пожарах у нас. Все равно узнали бы через какое-то время, если б вдруг что-то сгорело. Откуда эти огни - не ведаю, но не нравятся они мне - это точно.

- А не случалось ли в округе еще чего-нибудь необычного? - спрашивает Володя.

- Да, так, вроде бы, ничего. Правда, стали у наших хуторян гуси пропадать. То ли коршун уносит, то ли какой бродяга ворует. Вечером загоняют пятьдесят гусей, а утром их только сорок пять насчитывают. Гусь ведь не цыпленок, в кармане не унесешь. Куда деваются - не понятно.

И сторожили уже, и засады устраивали... Придут утром: засада спит, а гусей нет!

- Ясно,- говорит Володя. Для начала, если позволишь, я у тебя в каморке заночую, на морские пожары погляжу. А там дело видно будет.

- Ночуй - отвечает Илья,- Мне самому интересно, может, вдвоем чего и разгадаем.

- Я,- говорит Алексей,- от вас, мужики, не отстану. Тоже на маяке останусь: две головы хорошо, а три - лучше.

- Я не против,- отвечает Илья.

- И я не возражаю,- добавил Володя.- А пока у нас еще есть время, надо бы в город обернуться, кое-что прикупить для расследования.

- Вы с Алексеем езжайте, он у нас тут все магазины наизусть знает, а я пока свою каморку для ночного бдения подготовлю. Все-таки она у меня на одного жильца рассчитана, а нам тут втроем расположиться предстоит.

Так и сделали. Илья занялся подготовкой каморки, а Во-

лодя с Алексеем в городе целую коробку всякого добра накупили.

- Зачем тебе это все?- спрашивает Алексей
- На всякий случай,- отвечает спасатель.

Пока на маяк приехали, пока все разложили - смеркаться начало. Ночь на море мгновенно приходит: вот, только вроде светло было, глядь, уже темно. А тут еще погода пасмурная: ни звезд, ни луны - темнотища, хоть глаз выколи! Только и света на море, что от маяка. А внизу, до самого берега ни зги не видно.

Сидят наши герои в каморке, смотрят в кромешную тьму во все глаза - ничего не видят. Час сидят, два сидят - никакого толку.

Потом открывает Володя глаза - вокруг белый день, и Илья с Алексеем рядом спят. Уснули все, оказывается, не заметили как.

- Вот так конфузия,- смеется Илья,- я один ночью, когда надо - не сплю, а тут все трое обмиштурились.

- Что-то здесь не так,- говорит Володя,- не бывало еще такого, чтобы я в карауле заснул. Это неспроста. Ну, уж коли случилось, придется мне у вас еще на одну ночь задержаться. А чтобы нас никакая нечисть не достала, мы сейчас это помещение святой водой покропим.

Достал Володя из своего рюкзака склянку, покропил каморку, на товарищей своих побрызгал и себя не забыл.

-Ну,- говорит,- теперь будем вечера ждать, тогда опять в дозор пойдем.

Вечером снова на караул встали. Склянку со святой водой рядом поставили. Час ждут, два ждут - нет никого. Как сон наваливаться начинает, они глоточек воды из склянки отхлебнут и опять ждут.

Около трех часов ночи вдруг тишина наступила необычайная. Нигде ни травинка, ни былинка не шелохнется. На

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

всю округу сон навалился, будто и не живая земля кругом во все, а мертвое царство. Вдруг, видят наши герои, над морем огненные всполохи появляются. То загорится огонь, то опять потухнет. Схватил Володя прибор ночного видения, смотрит в ту сторону, где огонь вспыхивает:

- Ого-го! - говорит,- Вот так птичка у вас тут завелась: метров пятнадцать будет, а то и побольше. Такая - гуся одним выдохом поджарит, да целиком и проглотит, не подавится. Хорошо еще, что она только гусей таскала, на людей не по-зарилась.

- Да что ты там увидел?- теребят его товарищи. - Дай нам посмотреть.

- Дракоша у вас поселился,- отвечает Володя,- Я думал, что такие только в сказках бывают. Придется устраивать большую охоту.

Посмотрели Алексей с Ильей на дракона, им даже жутко стало.

- Да как же такое страшилище поймать можно?- спрашивают,- Его только артиллерия свалить способна. Где же нам тут ракетную установку достать?

- Убивать нельзя,- заметил Володя,- может это последний экземпляр в природе, а мы его уничтожим. Нас за такие дела биологи по головке не погладят. Надо что-то другое придумать. Пока давайте его сфотографируем, а потом будем думать, как дракона заполонить.

Взял он камеру, начал фотографировать змея летающего. А тот вспышку заметил и сразу резко повернулся, полетел на эти всполохи. Прямо на наших друзей, то есть.

- Ну, ребята, держитесь,- говорит Володя. - Придется нам без особой подготовки бой принимать.

- Приказывай, командир,- отвечают приятели,- мы готовы сразиться с нечистью.

- Огня он, конечно, не боится,- размышляет спасатель,-

воды простой, видимо, тоже, раз над морем летает. Но коль не смог нас усыпить после того, как мы святой водой побрызгались, значит, бессилен против нее.

Заряжайте, мужики, брандспойты святой водой!

- Где же это мы столько святой воды найдем, чтобы из брандспойтов дракона поливать?

- Разве вы не знаете, что одна капля святой воды может целое море освятить? - спрашивает друзей спасатель - Вы только капельку до моря донесите, а там можете насосы от брандспойтов прямо в море опускать - вся вода в нем святой будет.

Пока они тут разбирались, чудище крылатое к маяку подлетело, и атаковать его начало. От первого же огненного фонтана, драконом изрыгнутого, прожектор на маяке лопнул, тьма на округу навалилась кромешная. Где дракон, только по шороху крыльев определить можно было. Зато когда он огненные столбы метал - вся округа светом заливалась. Только, похоже, что разбив прожектор, эта змеюка сама себе медвежью услугу оказала. Наши-то друзья все с приборами ночного видения, а ее «локатор» лишь живые объекты «считывает», а вышку, на которой маяк стоит, «увидеть» не может. То головой об нее стукнется, то крылом заденет, то не долетит метров пять, а значит, зря свое пламя выпустит.

Наверху, в коморке, Володя один остался бой со змеем вести. Алексей с Ильей вниз пошли, чтобы святую воду к морю доставить и насосы от брандспойтов в него опустить.

Вот когда подъемник пригодился и сэкономленная энергия для насосов. Порадовался Илья, что заставил мужиков вчера пешком на маяк пониматься, а то была бы им тут не битва, а братская могила.

Пока они внизу оружие снаряжали, Володя наверху дракона отвлекал, на себя весь его удар принимая. Как только все было готово, Алексей снова стал змея фотографировать.

Увидел тот вспышки фотоаппарата с земли, взревел, как тысяча сирен, и залег в крутое пике, прямо на головы наших героев.

Тут уж им было главное со своими нервами совладать: не прозевать момент атаки на противника. Это ответственное дело на себя Илюша взял. Попустил змeya на нужное расстояние, да как хлестанет его из водной пушки!

Страшилище от неожиданности на этом фонтане на несколько метров вверх подпрыгнуло, а потом так грудой бесформенной на землю и свалилось.

Илья с Алексеем эту груду на всякий случай еще сверху облили. А тут и Володя спустился, на шее у страшилища освященную ленточку повязал.

- Что же,- говорит,- мы с этой тушей делать будем? Надо его отсюда подальше увезти, чтобы людей не пугать. Сдать в какой-нибудь научно-исследовательский по части биологии институт.

- Как же,- спрашивает Алексей,- мы его увезем? На твоем жигуленке, его не то, что не увезешь, с места не сдвинешь.

- Погодите,- успокоил друзей Володя,- есть у меня один вариант. Как-то на дороге помог я водителю «КамАЗа» машину отладить, а он мне номер своего телефона оставил. Сейчас созвонимся - выясним, не выручит ли нас дальnobойщик? - и добавил, глядя на поверженного дракона:- Вы, ребята, пока его ветками закидайте, а то еще помрет ненароком чудище на солнечном свету. Вон оно, солнышко-то, всходит уже.

И правда, за работой ночь незаметно прошла, день новый вставал, со своими радостями и заботами. У друзей времени на отдых так и не нашлось: сначала поле битвы надо было в порядок привести, потом «КамАЗ» встретить, дракона погрузить... Сопровождающим с ним Алексеем поехал: Илья остался маяк ремонтировать, а у Володи своя думка: дракона-то они в плен взяли, но королю с королевой от этого

не легче - принцесса пока не нашлась. Может, конечно, Володя не зря время потерял, но к цели своей не приблизился ни на йоту. Попрощался он с новыми товарищами, и решительно повернул ключ а замке зажигания своего старенького жигуленка.

Принцесса была счастлива. Сегодня утром, после нескольких часов лазания по горам, она нашла поляну с эдельвейсами. Вы видели когда-нибудь эти удивительные горные цветы? Высотой несколько сантиметров, скромные и неброские, с причудливыми серенькими головками и тонкими светло-зелеными листиками, они обладают невероятной способностью: пробуждать в душе ощущения восторга.

Совершенно счастливая, с выражением тихого блаженства на лице, принцесса сидела на большом сером валуне, чуть поросшем мхом, и глупо улыбалась.

В своем большом царском саду она видела огромное количество всевозможных цветов: рассыпанных по клумбам мозаичными коврами; прекрасных, как солнечный рассвет, с взбитыми в воздушную пену разноцветными головками; изящными, хрупкими корзинками хрустальных соцветий; богатыми шапками шаров на тонких стеблях; точеных лепестков, тронутых тонкой кисточкой мастера - но никогда, ни разу за свою, пока еще не слишком длинную жизнь, принцесса, глядя на цветы, не испытывала такого безудержного восторга, как от встречи с горными эдельвейсами. Ей хотелось плакать от счастья, но она улыбалась. Так бывает, когда разум перестает контролировать ваши поступки и полностью подчиняется эмоциям. Надо отметить, что для принцесс это неслыханная роскошь - перестать себя контролировать. Когда принцесса совсем маленькая - ей еще разрешается немнogo

покапризничать и поплакать, но как только она подрастает - проявление эмоций начинают считать моветоном (по-русски это значит - дурное воспитание), и за такое поведение девочку могут исключить из принцесс.

Принцессе здорово повезло, что ее никто не видел здесь, в горах, с таким выражением лица. Иначе люди сразу бы засомневались: а настоящая ли у нас принцесса? Не подменили ли ее ненароком где-нибудь в роддоме?

Принцесса, конечно же, была самая настоящая. Просто, она немного расслабилась без строгого учительского контроля. (Да и сами посудите, сможете ли вы целый день держать спину и втягивать живот, если вам об этом никто не будет напоминать?!) Через некоторое время принцесса, конечно же, пришла в себя от нахлынувшего на нее восторга. Она «сделала лицо», придав ему благопристойное выражение покровительства и доброжелательности, и сказала, обращаясь к цветочной поляне:

- Я очень рада нашему знакомству. Благодарю вас за приятные минуты, которые вы подарили мне сегодня. С вашего позволения, я буду навещать вас всякий раз, как у меня выдастся немного свободного времени. Желаю вам дальнейшего процветания. Прощайте.

Сделав книксен, принцесса спрыгнула с валуна и побежала по дорожке к своей пещере. В конце концов, она была еще совсем юной и не могла бесконечно изображать из себя светскую ладу. К тому же, если быть абсолютно честным, то принцесса - это не набор приемов светского этикета, а состояние души. В душе наша героиня была настоящей принцесской, и это понимал каждый, кто брал на себя труд внимательно приглядеться к девочке.

Ощущение того, что приближается конец его путешествию, не покидало Володю с самого утра. Еще вчера вечером, останавливаясь на ночевку в березовом пролеске, он, наверное, уже в сотый раз, разглядывал розу ветров этой местности, пытаясь понять, где же ураган ослабел до той степени, что уже не в силах был удерживать девочку, и, стало быть, волей-неволей должен опустить ее на землю.

Еще вчера он, в который раз просчитывая алгоритм действий, думал о том, что не знает, куда ехать дальше и что еще предпринять.

Еще вчера он лихорадочно искал выход из тупика, надеясь на чудо, которое довольно часто случалось в жизни спасателя, но тут все казалось совершенно безнадежно.

Отчаявшись принять какое-то решение, Володя подумал:

- Раз уж я не могу ничего путного придумать сегодня, то подумаю об этом завтра. Утро вечера мудренее.

С этой мыслью он завернулся в свой походный спальный мешок и, не устанавливая палатку, заснул без ужина прямо на траве. Кстати, такой его поступок вполне понятен и объясняется приступом смертельной усталости, навалившейся вдруг на спасателя под вечер. Если не считать мертвца сна под гипнозом дракона, Володя был на ногах уже третью сутки, и в этой ситуации даже его железный организм требовал отдыха. Он лег под раскидистой березкой и через три секунды спал молодецким сном богатыря двадцать первого века. Кстати, сон богатырей двадцать первого века отличается от прочих тем, что во сне они не храпят, как сто сорок тракторов, а мирно и тихонько посапывают, как младенцы, никого не беспокоя своим богатырским дыханием.

Снилось Володе море. Оно мерно баюкало его на своих

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

ласковых волнах, укрывало свежим бризом прохлады, напевало раздольные песни о бескрайних просторах, а он спал, слушал и наслаждался блаженными минутами отдыха и покоя. Вот из морской пены к Володе вышла голубоглазая красавица. Она подошла к нему, присела у изголовья, вздохнула и тихонько сказала:

- Интересно, что ты попросишь у родителей за мое спасение? Может быть, мне вообще не имеет смысла находиться? Имей ввиду, если ты окажешься жадным, то никогда меня не найдешь. Уж я об этом позабочусь.

- Кто ты? Как тебя зовут,- спросил Володя у девушки.

- Если будешь жадничать, то никогда меня не найдешь,- снова сказала девушка и, погрозив спасателю пальчиком, растворилась, как морская пена на солнце.

Володя проснулся и почувствовал, что скоро его путешествие закончится.

Сегодня у принцессы был день рождения. Обычно в этот день она просыпалась рано-рано и находила в своей комнате огромный букет своих любимых пионов, которые смотрели на нее и кланялись огромными розовыми шапками, как будто приветствовали новорожденную. Кто и когда приносил цветы в комнату, она так и не узнала за предыдущие свои одиннадцать лет. А сегодня, в ее двенадцатый день рождения, цветов у постели не было. Да, можно сказать, и самой постели у принцессы сейчас не было

- День рождения - это не повод для грусти,- сказала сама себе принцесса,- в конце концов, у меня есть целая поляна эдельвейсов. И если букет пионов может получить к празднику любая девочка, то поляну эдельвейсов, пожалуй, имеют только избранные. Сейчас я умоюсь и отправлюсь на свою

поляну встречать ДЕНЬ рождения. Ведь в пещере я встретила только утро, а сам ДЕНЬ рождения я непременно должна встретить на поляне с эдельвейсами .

И принцесса побежала умываться

- Здравствуйте, здравствуйте,- кланялась она вскоре жителям поляны,- Рада видеть вас в добром здоровье и хорошем настроении.

- Как поживают ваши драгоценные личинки?- спросила она у муравьев.

- Что нового случилось за эти дни?- поинтересовалась именинница у божьей коровки.

- Какие красивые краски на ваших крыльышках! - сделала комплимент бабочке.

- Дамы и господа, имею честь пригласить вас разделить со мной праздник моего рождения,- обратилась принцесса к обитателям поляны.- Сегодня мы с вами будем веселиться до утра!

Позади принцессы, на едва видимой горной тропинке, которую девочка протоптала регулярными походами к поляне, послышался шорох. Принцесса оглянулась. На нее надвигалось что-то огромное и лохматое.

А-а-а-а!- совсем не по-королевски закричала принцесса и бросилась со всех ног к знакомому валуну.- Спасите! Помогите!

В первый раз за все время ее неожиданных приключений, принцесса звала на помощь.

«Спасите! Помогите!»- услышал вдруг Володя откуда-то сверху. Он уже третий час шагал по горной тропинке, надеясь отыскать хоть какие-то следы ветра. Местные жители рассказали ему, что в этих краях есть необычные каменные

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

столбы, идеально обточенные ветром до изящного совершенства. Летая между ними, просачиваясь в щели и дырочки,- ветер издает звуки, похожие на музыку, поэтому люди назвали каменные столбы эоловой арфой.

- Ты точно встретишь там ветер,- сказали Володе местные жители.- Он часто прилетает поиграть на своей арфе и часами завораживает слушателей удивительными чарующими звуками.

В поисках этой волшебной арфы, Володя и бродил по горам, когда услышал слабый призыв: «Помогите!»

Инстинкт спасателя сработал моментально. По звуку определив расстояние до объекта спасения, он в две секунды мысленно проложил оптимальный маршрут и приметил камень, за которым можно будет укрыться для изучения обстановки. Еще несколько секунд ему понадобилось, чтобы добраться до места. Выглянув из-за камня, Володя увидел необычайной красоты поляну эдельвейсов.

- Помогите!- снова услышал Володя, на этот раз звук шел с другой стороны поляны.

- Спасите! - раздалось у него над головой.

- Кому помогать? - громко спросил путешественник, выходя из своего укрытия.

- Мне! - закричали одновременно два голоса с разных сторон.

- Спокойно, разберемся по порядку,- попытался контролировать ситуацию Володя.- Кто из вас умирает?

Ответом ему было молчание.

- Чья жизнь в данный момент под угрозой?

Вновь в ответ молчание.

- Кому грозит опасность?

- Мне!- раздалось одновременно с двух сторон.

Хорошо,- определился спасатель,- сейчас тот, кто справа от меня, отвечает один.- И он показал рукой, кто именно сей-

час должен говорить.

- Ты можешь двигаться?

- Да, - ответил высокий испуганный голос.

- Можешь выйти ко мне?

- Нет!

- Тогда стой там, где стоишь. Я подойду к тебе сам.

Володя уже увидел боковым зрением на верхушке большого камня какое-то существо в странных травяных чунях. Забравшись на камень, он нос к носу столкнулся с девчонкой, которая испуганно таращила на него синие глаза.

- Кто ты? - спросил Володя.

- Принцесса. - ответило существо.

- Принцесса? - недоверчиво повторил спасатель. - Что-то я в этом сомневаюсь. Принцессы - это дочери королей, и вести себя они должны по-королевски. Разве ты сейчас ведешь себя по-королевски?

- Да-а-а-а, - заплакала принцесса, - я испугалась чудовища. Оно, наверное, хотело меня съесть. А я не хочу, чтобы меня ели, тем более, в день моего рождения.

- У тебя сегодня день рождения? Хорошо, тогда в честь дня твоего рождения я совершу подвиг - убью чудовище. Договорились?

- Не-е-е-т! - снова заплакала принцесса. - Я не хочу, чтобы кого-нибудь убивали. Тем более в день моего рождения. Принцессы должны быть добрыми и великодушными. Если ты пообещаешь не давать меня в обиду, то я его прощу.

- Конечно, я никому не дам тебя в обиду. Только мне надо посмотреть, что там за чудовище хотело напасть на такую милую принцессу.

- Эй, чудовище, - продолжал Володя, - выходи на честный бой. И знай, что хоть принцесса тебя и простила, у меня на этот счет может быть совсем другое мнение.

Но почему-то никто не вышел на честный бой с нашим

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

героем. Более того, ему даже никто не ответил.

- Где ты, чудовище, - опять закричал спасатель.- Выходи, кому говорят!

- Вы меня, конечно, простите, что я вмешиваюсь не в свое дело,- послышался голос с другой стороны поляны,- только, мне кажется, здесь больше никого нет.

- А кто это со мной сейчас разговаривает?

- Я - медведь. У меня болит лапа, и я хотел попросить девочку, чтобы она вытащила мне из нее занозу. А она чего-то испугалась и стала кричать. Я стал ей помогать звать на помощь.

- А почему же ты уверял, что тебе угрожает опасность?- вновь спросил Володя своего невидимого собеседника.

- Как же?- удивился голос.- Если занозу вовремя не вытащить - она будет гноиться. Тогда начнется заражение, и я могу умереть.

- Ну, это ты, брат, преувеличиваешь.- сказал Володя, и, чуть помолчав, добавил.- А кто тебя говорить научил? Ведь медведи, если я не ошибаюсь, не умеют разговаривать на человеческом языке.

- Походи-ка с занозой в лапе, и ты заговоришь по-французски.

- Почему по-французски?- засмеялся Володя.

- Потому, что по-английски сейчас все говорят, а по-французски почти никто.

- Я говорю по-французски,- сказала вдруг принцесса на чистом французском языке.- Иди скорее ко мне, мой маленький медвежонок, я удалю тебе занозу из лапки.

И принцесса спрыгнула с камня и смело побежала на встречу медведю.

- Ну и ну,- покачал головой Володя. Произнести такую длинную фразу на чистом французском языке может только девочка с хорошим воспитанием. Может быть, это действи-

тельно принцесса, которую он ищет? Если ей подойдет туфелька, то приключения можно считать законченными. И он вынул из рюкзака туфельку.

- Ой,- обернулась принцесса,- откуда у Вас моя туфелька?

Она неуловимым движением волшебника достала откуда-то вторую такую же туфлю и быстро надела их обе на свои ножки.

Сомнений не оставалось - это потерявшаяся принцесса.

-Твои родители разыскивают тебя по всему свету, а я им помогаю,- сказал Володя.

- Как хорошо, что Вы меня нашли. Только сейчас нужно помочь медвежонку, ему очень больно.

И она вновь побежала к медведю, который уже вышел на поляну.

-Покажи-ка свою болячку, дружок,- попросил зверя спасатель. Взглянув на лапу, он вновь покачал головой: на лапе назрел огромный гнойный нарыв.

- Придется резать,- сказал Володя.- Хорошо, что я прихватил с собой инструменты.

Поставив медведю обезболивающий укол, он выстриг на лапе лишнюю шерсть, обмазал рану йодом, разрезал нарыв и тщательно вычистил болячку.

- Увы, Косолапый, тебе необходимы ежедневные перевязки.

Пока поедешь с нами, а потом я устрою тебя в городской зоопарк.

- Нет, нет,- поспешила заверить своих новых знакомых принцесса,- он будет жить в лесу, вблизи нашего замка. Я попрошу родителей позволить медведю поселиться в наших краях. Я знаю, они мне не откажут.

- Отлично,- обрадовался Володя,- тогда я сейчас сделаю один звонок, а вам предлагаю попрощаться с вашими здешними друзьями, потому что мы скоро уезжаем.

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Он набрал номер мобильного телефона велосипедиста, который встретился ему на дороге и попросил немедленно отправиться на своем чудесном велосипеде к королю с королевой и успокоить их тем, что принцесса нашлась, она здорова, весела и скоро вернется домой.

Гонец поспешил доставить во дворец добрые вести. А Володя заметил некоторое смущение на лице принцессы.

-Прошу прощения, сэр,- обратилась она к своему спасителю,- мне бы очень не хотелось провести весь свой праздник в дороге. Тем более что я уже пригласила на бал обитателей поляны. Может быть, Вы позволите мне выполнить обещание и отложите отъезд хотя бы на несколько часов?

Что мог ответить мужчина на такую вежливую просьбу? Конечно, он согласился.

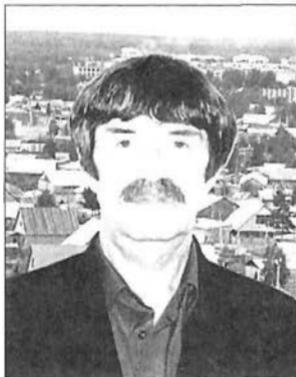
И вскоре начался праздник: ветер играл на эоловой арфе самую лучшую свою музыку, птицы и пчелы, муравьи и бабочки, жучки и букашки водили свои хитроумные хороводы и танцевали замысловатые танцы, медведь на трех лапах показывал фокусы, а Володя в честь принцессы устроил настоящий фейерверк. Праздник был необыкновенным и самым замечательным из всех двенадцати дней рождения нашей принцессы.

Пока все веселились, Володя лежал на самом краешке эдельвейсовой поляны и думал о том, что нужно несколько переделать походную песню. Теперь,- думал Володя,- я буду петь так:

На пути к победе,
Он лечил медведя,
А еще дракона победил...

Здесь мы и простимся с нашими героями. Впереди у них долгая жизнь а будет ли она счастливой -во многом зависит от них самих.

Вы, наверное, удивлены, что во время этого путешествия Володя так и не воспользовался услугой еще одного знакомого - человека, которому он помог сложить возок сена. Все дело в том, что совершенно не важно, скольким людям мы помогли в жизни, как не важно и то, сколько людей помогло нам. Важно лишь никогда не проходить мимо того, кому требуется помочь. И тогда, наверняка, все будут счастливы.

Владимир Безносиков

Родился в Кировской области в 1952 г. С 1973 г. живет в п. Алябьевском. Работал художественным руководителем поселкового Дома культуры, режиссером на районном телевидении, пресс-секретарем главы Советского района. Самодеятельный композитор, автор музыки и слов многих песенных произведений о нашем северном крае и его людях. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Посвящение Советскому району

Советский район: облетит ли границы
Хотя бы за сутки таежная птица?
Любой вездеход, отправляясь в поход,
Едва ли за месяц район обойдет!
Измерить пешком Зауральские дали -
И года на это вам хватит едва ли...

Когда-то, в далёких шестидесятых
В тайге поселился неробкий десяток -
Прародители северной жизненной ветви.
Они - наши самые главные предки!
Как жаль, что не видим мы этих парней
На барельефах гранитных камней...

Достойны гравюр в исторической фреске -
Таежный, Малиновский и Пионерский,
Коммунистический, Зеленоборск,
Алябьево, Агириш... Статус их рос!
Советский, как солнышко - центр и зенит.
Он и сейчас - лучший город земли!

Скажите, как часто вы думали втайне,
Что к теплому югу уносит вас лайнер
И сколько держались вы в дальней дали?
Минуту, другую, ну, максимум – три!
Не вы ли обратно, собравшись в мгновенье,
Бежали назад к комарам на съеденье?

Так, что же вас держит в дремучем лесу?
Куда эту сказку без вас унесут?
И что здесь такого без вас украдут
В березовых рощах, в кедровом бору?
Ответ не сложнее иголочки ели -
Вы к этой земле навсегда прикипели.

Вы взяли глухую тайгу на поруки.
Здесь – ваши родители, дети и внуки,
Здесь память людская длиннее, чем век.
Здесь белые ночи белее, чем снег.
Здесь все еще живы (и спутать их не с кем)
Советские люди закалки советской.

Посмотришь направо – Уральские горы,
Налево – приобские видим просторы,
Вперед приглядевшись, увидим Тюмень,
Назад – в ледники упадет ваша тень.
Закроешь глаза: в темноте вожделенной
Советский район – это центр Вселенной!

И кажется нам, что по внешнему кругу
Планеты – районы летят друг за другом.
И все города от велика до мала
От южных степей до седого Ямала,
И даже дороги, что в Рим - на поклон,
Стекаются ныне в Советский район...

Советский район: облетит ли границы
Хотя бы за месяц таежная птица?
Зри в корень, но дерево видно по кронам.
И дело совсем не в границах района.
Для нас – советчан, как для северных птиц,
Советский район не имеет границ!

Сыну Александру к юбилею

Однажды в студеную зимнюю пору
Я с маленькой дочкой спешил в детский сад,
Как вдруг кто-то крикнул в окно из конторы:
Родился сынок у тебя – Александр!

Не помня себя, по традиции, видно,
Заначку свою отыскал в гараже.
Уже через час в нашей кухоньке дымной
Гуляла кампания клубных «бомжей».

Звучали до ночи фокстроты и блюзы,
Гремели стаканами крики «Ура»...
В течение суток «товарищи музы»
Забыли - за что они пили с утра.

Веселье на улицу вышло спонтанно,

Рекою лилось по дороге вино,
Естественно, действие было бы странным,
Когда б не продолжилось в клубе оно.

Рождение сына, как хвост у кометы
Готов обсудить каждый встречный земляк.
Гуляли певцы, музыканты, поэты,
Технички с директором пили коньяк.

В тот день молодежи пришлось «оторваться»,
Крутились пластинки за дисками диск.
Директор ДК нам устроила танцы
Вне плана, «в тихушку», на собственный риск.

Когда Александра в квартиру вносили
Шутили алябьевцы, встретив жену
-Откуда сынишка? - Из лесу вестимо
Отец, видишь, рубит, а я отвозжу...

У всякого пира есть рёбра и грани.
Здоровье дает пищеводу пинка.
Неделя гулянки закончилась баней
И головомойкой от мамы сынка!

Там, где живет моя любовь

Там, где живет моя любовь-
Моя вторая половинка,
Нет шумных улиц. К ней ведет
Едва заметная тропинка.
Там нет почтовых отделений,
Нет знаков письменных, нет слов,

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Нет света, стало быть – и тени
Там, где живет моя любовь.

Там, где живет моя любовь,
Нет виртуальных сайтов, блогов,
Нет электронных адресов,
Нет «юзеров»... И, слава Богу!
Любовь зовут счастливым мигом,
Раз прозевал и - будь здоров!
Нет СМС, паролей, «ников»
Там, где живет моя любовь!

Там, где живет моя любовь,
От взоров спрятавшись искусно,
Не спит солдат сторожевой
По имени седьмое чувство.
Мой путь к любимой засекрен.
И знает только Мессинг Вольф,
Насколько вечер долговечен
Там, где живет моя любовь.

Там, где живет моя любовь,
Надежда с верою - соседи.
К ним проникает вечный зов,
Когда от счастья «крыша» едет.
В минуты боли и печали
Они готовы вновь и вновь
Прибыть, приплыть, прийти, причалить
Там, где живет моя любовь.

Там, где живет моя любовь
Тепло и холод – старожилы.
Там в жилах закипает кровь,

Она же стынет в этих жилах.
Пойду домой, открою дверцы
Найду покой, уют и кров
В моем, увы, не вечном, сердце,
Там, где живет моя любовь!

Юрий Григорьев

Родился в 1952 году в поселке Азиатская Свердловской области. Там же окончил среднюю школу. Служил на флоте. По окончании Нижнетагильского пединститута преподавал русский язык и литературу в школе № 42 города Кушвы.

В 1984 года перебрался на Тюменский Север, в райцентр Советский, где живет по сегодняшний день. Начав свою работу корреспондентом в газете, последние 20 лет, до выхода на пенсию, отработал директором редакционно-издательского объединения ООО «РИО».

Пишет не только прозу для взрослых, но и рассказы для детей.

Про белого бычка

Луг, где паслись телята, окаймляли лес и речка. Телят специально сюда пригоняли, зная, что отсюда они никуда не разбредутся. Во-первых, берег крутоват, во-вторых, речка глубокая и быстрая, а лес весь дремучий, с болотами. Телятам нравилось пасть на этом лугу. Хотя трава помаленьку скучела, они всё равно успевали наедаться и пободаться. Поиграв, спускались по тропинке к речке на водопой. Когда наступала жара, уходили лежать в тень под высокие деревья, отмахиваясь хвостами от надоедавших оводов.

Только одному бычку не было жарко, и оводы его не донимали, потому что он был весь белый. В полдень ему стано-

вилось скучно, и он слонялся по берегу в одиночестве, поглядывая на другую сторону речки, где распластались заливные луга. А там... Трава - загляденье: высокая, густая, вперемешку с разными цветами. Леса совсем не видно, растут только одинокие кусты, вокруг которых часто бегают зайцы. Ещё постоянно прогуливаются грациозные косули золотистого цвета с пятнистыми косулятами.

Однажды в жаркий день, спустившись на водопой, бычок увидел проглядывающее дно и решил попробовать перебраться на другой берег. Как ни странно, но это ему удалось, потому что речка из-за постоянной жары сильно обмелела. Он помычал, зовя за собой других телят, но никто не отозвался. Пожевав немного сочной травы, пошёл знакомиться с обитателями живописного луга. Первыми попались на глаза зайцы. Сразу направился к ним. Только те, завидев его, разбежались в разные стороны. Тогда двинулся навстречу косулям. Начал даже приветственно мычать. Но косули, услышав или увидев его приближение, тоже умчались стремглав, друг за другом, уводя за собой косулят. Знакомство не состоялось.

Бычку ничего не оставалось, как жевать сочное разнотравье. За этим занятием он не обратил внимания на сгустившиеся тучи, которые засверкали молниями и разразились оглушительным громом. Из них хлынул настоящий ливень.

Однако бычок не растерялся: спрятался под густыми кустами. Его почти не мочило. А когда дождь прекратился, поспешил к броду, чтобы перебраться на свой берег. Но речку не узнал. Она стала широкая и, по всей видимости, глубокая. Как теперь её перейти - непонятно. Решил двигаться вдоль речки, чтобы найти брод, но в какую сторону идти не знал. Попробовал вверх, против течения, оказалось, тяжеловато, и показавшийся впереди дремучий лес напугал его. А вот вниз, по течению, идти было легко, и никакого леса. Ноги

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

сами бежали под гору. Хотя на пути постоянно попадались ручейки и мелкие речушки, он их без труда преодолевал. Только брода нигде не было.

Начало смеркаться, и вскоре наступила ночь. Бычок же продолжал движение. А утром, когда рассвело, увидел: речка стала ещё шире. Тут он остановился и закручинился. Понял, что не в ту сторону путь держал. Ничего не оставалось, как развернуться и двигаться в обратном направлении. Но обратно шагать оказалось во много раз тяжелей, оттого что в гору. Ноги уже не шли, а еле переставлялись после бессонной ночи. Благо, что корм подножий пополнял силы, и вода для питья всегда была рядом.

Так бычок плёлся, превозмогая усталость, очень долго, пока не заметил на противоположном берегу своих собратьев-телят, которые спустились на водопой. Он громко замычал, давая знать о себе. В ответ услышал тоже мычание. От радости запрыгал. Ему захотелось побыстрее вернуться на своё пастбище, где хоть и не такая густая и сочная трава, как здесь, зато можно всегда поиграть с другими телятами. Но перейти речку не представлялось возможным. Телята же, напившись воды, постояли, помычали, поднялись на косогор и исчезли из виду.

Вскоре сумерки напомнили о себе. Ночевать посреди луга бычку не хотелось, и он поплёлся вдоль речки дальше против течения. Ему уже был не страшен дремучий лес после длительного скитания.

Чем выше он подымался, тем речка становилась уже и мельче. В небольших заводях она даже пенилась, как парное молоко. Ещё до наступления темноты бычок сумел перейти её. А затем, через болото и лес, пустился вприпрыжку к своему пастбищу.

До своего луга он добрался в кромешной тьме. Идти дальше сил не было. Он знал, что утром на луг придут па-

стись телята. Поэтому улёгся под первой попавшейся ёлкой - усталый, но очень счастливый.

Всю ночь ему снилась молочная речка с кисельными берегами.

Хрюша

Последнее время дома многие городские жители переезжают на постоянное место жительства в деревню, поближе к природе. Разводят скотину и прочую дворовую живность, подобно местному населению.

Наши соседи из города тоже завели хрюшку - трёхмесячного поросёночка. И он у них почти сразу захворал. Ничего не ест. Приглашали даже ветеринара.

На следующий день, утром, в магазине Айболит - местный ветеринар - рассказывал уже всем.

... Пришёл к городским - встретили у ворот, и сразу начали приглашать в дом. Думаю: «Не иначе, как угостить хотят, по деревенскому обычаю». Отказываюсь:

- Сперва надо хрюшку осмотреть, а потом можно и в хату.

- Так он у нас в хате. Как захворал, мы его сразу из сарая в дом перенесли.

Заходим. Оглядываю кухню, комнату - нигде не вижу поросёнка. Спрашиваю:

- Где же ваш больной?

- Да вот он.

Они показывают на кровать, где запеленатым в бело-снежные простыни, рылом на подушке, лежит хрюша. Изумлению не было предела. Всякое приходилось видеть за время работы ветеринаром, но чтобы такое - впервые.

- Чем же вы его кормите? - спрашиваю.

- Тем же, что и сами едим. Молоко даём... сгущённое,

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

конфеты разные. Он сладкое очень любит, сейчас только отказывается от всего. Захворал серьёзно, наверное.

Посоветовал - распеленать, выпустить на зелёную травку. Кормить самой простейшей пищей: кашей, картошкой, зеленью с огорода; фрукты и овощи тоже подойдут, они для него деликатес. Про сгущёнку же - забыть, и если уж захотят побаловать, то полезнее натурального молока ничего нет, живём-то в деревне.

А через день соседский хрюша уже весело бегал по зелёной траве за небольшой оградкой, сколоченной специально для него.

Бантик

Откуда появился этот маленький пёсик на детской площадке, никто не знал. Он бегал от одного ребёнка к другому, и все с ним играли. Кто-то из девочек привязал к ошейнику ленточку в виде банта. После чего все стали кликать пёсика: «Бантик!». И пёс со звонким лаем бежал на каждый зов, потому что ещё его угощали запасами еды из карманов.

Радостными детскими голосами наполнилась игровая площадка. Многие взрослые поначалу не разрешали своим малышам играть с пёсиком, но, видя, как любят его дети, возражать перестали.

После того, как малыши, наигравшись, расходились по домам, пёсик оставался один. Перепрыгнуть через оградку ему никак не удавалось, а забрать его никто не решался. Все надеялись, что хозяева вот-вот объявятся. Но хозяева почему-то не появлялись.

Так пёсик стал жить на площадке. Ночевал в детском теремке, куда дети натаскали ему еды и воды. Но однажды

он исчез. Обшарив всё, малыши заметили в дальнем углу на заборчике знакомую ленточку. «Наверное, Бантику всё-таки удалось перелезть через оградку, только бантом зацепился...», - рассудили они, подойдя ближе. Без собачки играть на площадке никто не хотел, и она опустела.

А потом пёсик вновь появился. Не иначе, сбежал домой и, не обнаружив хозяев, решил вернуться к детворе. Двор заново наполнился ребячьими голосами. Хоть пёсик был без банта, его по-прежнему кликали - Бантик. Радость переполняла не только детей, но и взрослых.

Маленькая обида

Владика из садика обычно забирала мама. Они доходили до «остановки» и ждали троллейбус или автобус. Когда транспорта долго не было или был переполнен, садились в такси, которое подвозило их до самого дома. Однако такое случалось редко.

Но в этот раз у Владика заболел зуб прямо на прогулке. Он пожаловался воспитательнице. Та позвонила по телефону, и папа примчался к садику на машине, у которой на дверях были написаны непонятные буквы. Отец забрал сына с детской площадки, чтобы срочно отвезти в поликлинику к зубному врачу.

Вся группа видела через ограждение, как папа усадил Владика на заднее сиденье, сам сел за руль, и машина укатила.

На другой день, сразу после физзарядки и завтрака, почти все дети в группе захотели играть с Владиком. Крутились возле него, предлагали даже свои домашние игрушки, которые им разрешали воспитатели взять с собой в группу.

«Наверное, сочувствуют: думают, что зуб до сих пор бо-

лит», - размышлял Владик.

И тут кто-то спросил у него:

- Твой папа работает шофером?

- Нет. Директором, - честно ответил Владик.

- А-а-а... Мы-то думали - шофером... Нас прокатит...

Всё окружение мгновенно начало редеть. Владик пытался объяснить, что папа тоже иногда водит автомобиль, можно и с ним покататься. Но его никто уже не слушал. Стало обидно. Слёзы сами навернулись на глаза.

Только обида забылась быстро. Через пять минут Владик наравне со всеми играл и веселился, как раньше.

Хрустальные саночки

Маленькая Дианка никак не хотела уходить из магазина «Детский мир», выпрашивая у бабушки купить какую-нибудь игрушку. Громко плакала, выставляя напоказ свой каприз.

Бабушка, будучи мудрой, сказала ей:

- Перестанешь плакать и капризничать - купим тебе хрустальные саночки.

- А какие они хрустальные?

- Хрустальные - это специальные «санки для Дианки», украшенные хрусталиками из застывших слёзок, которые переливаются разными огоньками, а когда катятся, то на морозе снег под ними хрустит.

Слёзы мгновенно исчезли. Что такое санки - Дианка, конечно, знала. Зимой, до садика и обратно, многих детей подвозят именно на них. Но про хрустальные саночки слышала впервые. Ей очень-очень захотелось заиметь такие.

Она постоянно думала о них. Представляла даже, как не пешком идёт по тротуару, а катится на хрустальных саночках.

И вот, под самый Новый год, когда Дианка с бабушкой шли из садика домой, внимание привлекла витрина магазина, где нарядный Дед Мороз сидел на саночках, которые искрились.

- Бабушка! Вот они хрустальные саночки. Переливаются огоньками, как ты говорила.

- Да нет. Те из слёзного хрусталя, - смущаясь, стала возражать бабушка.

- Купи! Мне других не надо.

- А как Дед Мороз без саночек будет подарки развозить?

- Я видела: они со Снегурочкой развозят подарки на такси. А эти санки - для Дианки, то есть для меня.

Домой Дианка мчалась на «хрустальных саночках», которые катились сами, особенно под горку, и хруст снега под ними, в морозной тишине, разносился на всю вселенную.

Бабушка еле поспевала рулить, держась за поручни.

Вера Вшивкова

*Родилась в поселке Понил
Свердловской области. Закончила 3
курса педагогического института,
Всесоюзный заочный лесотехнический
техникум.*

*Работала воспитателем в интернате, учителем, телефонисткой, 22 года заведовала центральным складом в Торском ЛПХ.
Живет в п. Агирии,*

*Писать начала в 2007 году.
Первые статьи и стихи вышли в
Советской районной газете.*

Я была своевольна и очень упрямая.
Ты прости меня, глупую, своевольную, мама.
Как немного тепла я смогла тебе дать.
Я устала...
Пойми и прости меня, мать.
Непочтенье к тебе вряд ли я отмолю.
Ты прости, я любила тебя и люблю.

Агириш зимний
В сугробах и инее.
Что-то взгрустнули дома.
Снег под ногами тихонько

Похрустывает.
Полночь. Мороз. Тишина.
Небо бездонное
Звездами схвачено.
Ярок холодный их свет.
Чувство прекрасное
Мной не утрачено.
Только тебя рядом нет.

Ах, какая тоска!
Это что за болезнь -
Одиночество?
Днем одна ты и ночью одна -
Жить не хочется.

А работы полно:
Печь топить и стирать,
Суп варить, снег кидать -
Замело.
А в душе, словно
В зимнем лесу:
Тихо-тихо, дремотно
И светло.

Хочется верить,
Что все переменится,
Солнце на всходе.
Засобираюсь я,
Дом приберу,
Не залежусь и -
К Володе.

Станислав Юрченко

Родился на Украине в 1948 г. Окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. После института был призван в армию и проходил службу на строительстве железнодорожной ветки Ивдель Обь. В Советском живет с 1971 г. Прошел все ступени руководителя строительной организации. Награжден орденом «Знак Почета». Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России.

Родники

Жизнь и смерть повязаны навеки,
но грустить о прошлом не с руки,
на земле останутся, как вехи,
бесконечной жизни родники.

Бывают они то ласково, то звонко,
не приемля мертвой тишины,
голосом восторженным ребенка,
шепотом волнующим жены.

Бывают водой живою неустанно,
наполняя смыслом день и ночь,
в ней когда-то сын омоет раны
и младенца искупает дочь.

Напоят водою этой жито,
чтобы накормить и обогреть.
Влагою хрустальною омыта
твердость веры и земная твердь.

До краев полны небесной сини,
ветра и полуденной тиши
малые сокровища России,
вечные творения души.

И когда зажгутся свечи в Храме
перед искупительным концом,
родников серебряное пламя
обожжет прохладою лице.

Поляна над чистой рекою,
бревенчатый дом и овин.
Теплом и осенним покоем
наполнен березовый клин.

От темной, приземистой бани
пахнет горьковатым дымком.
На вытканной солнцем поляне
мне каждый, с кем встречусь, знаком.

Покажется, немощь и старость
за этой незримой чертой
в безвременье где-то остались,
расставшись навеки со мной.

Вот—вот на пригорке пологом
появится мама моя,
и с детским, щенячьим восторгом
глядя на родные края.

Все станет простым, как когда-то,
счастливой и светлой порой,
где катится мяч полосатый
к воде под зеленою горой.

Выруба

Выруба до края, выруба.
Гусеницы след.
Обломок ржавый
из ствола торчит змеиным жалом.
Нефтяная брошена труба.

Утро поднимается, открыв
виды невеселые пейзажа,
у опушки леса, как нарыв,
косогор земли чернее сажи.

Сизый боровик, измятый весь,
что пролез меж сучьев еле-еле,
как напоминание, что здесь
сосны вековечные шумели.

Беломошник, сорванный с песка,
растрапался космами седыми.
И необъяснимая тоска
после упоительной гордыни.

Шрамами в тайге остался след
многолетних, яростных сражений,
наших героических побед –
наших безответных поражений!

Возвращение

Вот купола червлёные...
а вот
ведущие во Храм резные сени,
покрытый древней копотью киот
и в темной рясе сухонький священник.

Зачем сюда пришел, не знаю сам,
без видимых причин забрел и цели,
но суэтные мысли к небесам
испуганными птицами взлетели.

Негромкие старушек голоса,
читающих какие-то молитвы,
свечей горящих пламя,
полчаса
стою, не отрывая глаз от ликов,
от их неколебимой правоты
знакомой мне, как будто бы с рожденья.

Почудилось какое-то движенье
у покровов пророков и святых,
что их неукротимые глаза
глядят в мои пронзительно и строго.

И кто-то, словно выдохнув, сказал:
«Ну, вот, ты и вернулся... Слава Богу».

ВОРЬЁ

Хроники периода перемен

(Отрывок из романа)

Весна, что, впрочем, и не удивительно, выдалась на редкость длинной и холодной. Весь апрель стояли морозы и бестновались метели, как будто природа пыталась отыграться на людях за теплую и малоснежную зиму. Сугробы навалило выше заборов, а ежедневная утренняя разминка с лопатой, приятная и необременительная в начале зимы, превратилась из удовольствия в сущее наказание. Долгое ожидание тепла и по-весеннему радостного солнца, невыносимое и тягостное, как зубная боль, занозой засело где-то в подсознании. Однако каждый последующий день был точно таким же, угрюмым, серым и ветреным, как и предыдущий, а настроение - ниже плинтуса. Утром приходилось вставать на час раньше обычного, и, напялив старую куртку с потрапанной кроличьей шапкой, выползать в непогоду, плюющую в лицо мокрым, липким снегом. А затем, матеря про себя весь белый свет, с упорством, достойным лучшего применения, отгребать снег от ворот гаража до дороги. Ни много, ни мало - метров пятнадцать. Иначе машину из гаража выгнать было бы попросту невозможно: пару раз натопчешь снег - ворот не открыть. Особенно в это время, когда слипшийся снег в одночасье превращается в ледяные глыбы, и приходится его долбать чем-то посерезнее простой деревянной лопаты. А перспектива тащиться на работу в рейсовом автобусе как-то не слишком прельщала. Ну, а пешком и вовсе - далековато. Километра два, да еще по непогоде - кому это понравится? Хотя, если подумать, для здоровья - совсем неплохо. На следующий день все начиналось сначала. Кроме этих надоевших, но временных, сезонных катаклизмов на подавленное состоя-

ние стосковавшегося по витаминам еще не старого организма влияли и неприятности на работе. Нашу контору, ведущую в качестве заказчика реконструкцию мебельной фабрики и процветавшую до сих пор, было решено прикрыть из-за отсутствия на счетах учредителей необходимых для строительства денежных средств. Да и, как выяснилось впоследствии, полной нерентабельности производства этой самой мебели. Потеряли инвесторы интерес к производству. Понятно, правда, почему? Еще полгода назад кухни, выпускаемые уже действующим цехом, расходились среди населения, как горячие пирожки, на «ура». А тут: кризис, инфляция - слова-то какие! Раньше о таких только в книжках читали, и - на тебе, дожились! Спрос на продукцию упал: кому нужно тратить зарплату на мебель, если не знаешь, на что будешь завтра кушать? Деньги обесценивались ежемесячно и непредсказуемо, зарплата за ценами не поспевала. На горизонте замаячила реальная, еще вчера совершенно дикая перспектива стать простым советским безработным. Правда пока перспектива эта казалась какой-то далекой и не вполне осозаемой, но некоторое беспокойство постоянно висело в воздухе и давило на мозжечок. Как так? Где-то еще у них, за границей, в загнивающем, так сказать, капитализме и может быть какая-то там безработица. А у нас? Чушь собачья! Странное такое состояние, непривычное. А самое неприятное - не исчезающее!

- Ну, что будем делать, мужики? - спрашивал я своих сослуживцев и подчиненных Виктора и Геннадия, с которыми проработал вместе не один год, и, как говорится, съел не один пуд соли, - Прикроют нашу лавочку, куда подадимся?

- Там видно будет, - неопределенно махал в пространство Геннадий, а Виктор, занятый мыслями лишь о том, как бы побыстрее и понахрапистей охмурить нашего нового технолога по деревообработке Леночку Толмачеву, и вовсе отказывался рассуждать на эту тему:

- Делать вам нечего. Чего волноваться-то? Ну, закроют нашу шарапшку, другую найдем. Слава Богу, не в лесу живем. Талоны помните? Ну, и фиг ли? Никто не помер. Пережили голод, переживем и изобилие!

- Не больно-то сейчас работу найдешь, все на боку лежат - кризис, мать его! Вон, любимое наше СМУ тоже лихорадит, заказов-то нет. И с инфляцией этой самой не разобраться: не поймешь, что почем сегодня. Все в тартарары катится. А, что завтра будет? Зарплату скоро миллионами давать начнут, как при НЭПе, а то и миллиардами. Да и живем-то мы как раз в лесу, от леса и кормимся.

- Ну, лежат-то, допустим, не все, - сплевывал в пепельницу Геннадий, туша папиросный окурок, - наше-то начальство в порядке. Лес налево и направо пихают вагонами - только шум стоит, а вот денег даже и на зарплату что-то не видать. Два месяца уже одними авансами работяг кормят да отоварками! Негубин с Сашкой совсем оборзели, как будто последний день живут. Зато на новых девятах катаются.

- Зависть, Гена, чувство глубоко атавистическое, - смеялся Виктор, - ты у нас тоже не святой: бочку белой краски для цеха химреагентов приватизировал потихоньку, и ничего. Нет бы, с друзьями поделиться.

- Перебьетесь, у нас нищим не подают!

- Какой вы грубый, Геннадий! - подначивал Витька. - Чего на Негубина бочку катить, он директор, ему все можно! А Кречет у нас кто? Заместитель по снабжению! Чувствуете, Гена, по снабжению! А, что должен делать снабженец? Правильно, снабжать! Вот он и снабжает непосредственное начальство, как умеет. Кстати, а зачем тебе краска?

- Тебя не спросил!

- Фу, как не интеллигентно!

- Кончайте, мужики, лаяться! Краску, видишь ты, не поделили! Я тут клиента на пиломатериал нашел, Первомай на

носу - деньги нужны. Или вы не в деле? - вмешивался я в перепалку.

Надо сказать, что доску с лесокомбината в последнее время тащили все, кому не лень. Деньги за работу платили нерегулярно, вот и выкручивался народ, как умел. А поскольку наше управление функционировало при комбинате, то и мы пользовались имеющимися возможностями, а, попросту, крали. Дыр и проездов в многокилометровом заборе предприятия в последнее время стало слишком много, чтобы охрана могла их все контролировать. Да и охране, по большому счету, тоже все стало по барабану. Бардак, одним словом! Еще пару лет назад я себе и представить не мог, что такое возможно. Органы в пять минут разобрались бы. А сейчас, похоже, и органам недосуг...

- Это без вопросов, товарищ начальник! - тер руки Виктор. - Скажите, куда везти, а за нами не постоит. Только не меньше трех тысяч за пачку бери. А два штабеля возьмут - еще лучше. Я это дело мигом организую. Посидим в «Огоньке», выпьем, за жизнь поговорим, - мечтательно добавлял он.
- Соскучился я по грибной икорке!

«Огонек» - рубленный из бруса в первые, еще послевоенные годы рождения нашего города, небольшой ресторанчик, впоследствии обложенный кирпичом, место, где можно было вполне культурно посидеть, и где относительно сносно кормили. Город все эти годы худо-бедно рос и перестраивался, а вот до нового ресторана руки не доходили. Особенно хороша в «Огоньке» была овощная икра из белых грибов, в изобилии произраставших в местных лесах. Да еще рыба, благо центральная улица упиралась прямо в берег бухты, где был расположен порт и судоремонтный завод. Поэтому у гуляющих вечерами парочек не было особого выбора: либо на берег, дышать свежим морским воздухом, либо в «Огонек», где играл неплохой оркестрик, и пела симпатичная солистка.

Танцы в городском доме культуры случались только по выходным. В одно время, когда наши отношения с моей первой женой, длившиеся почти шесть лет, внезапно оборвались, мне частенько приходилось ужинать в этом богоугодном заведении, смущая своим холостым и уже вполне зрелым видом местных барышень. И, как бы я не старался напустить на себя скучающий, независимый вид, этакий Чайлд Гарольд, глаза сами каждый раз непроизвольно поворачивались в сторону очередной, входившей в двери красавицы. В конечном итоге кого-то приходилось провожать домой, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Или не провожать, что тоже случалось. Сомнительная известность моя в то время росла не по дням, а по часам, пока, наконец, не докатилась до кабинета второго секретаря районного комитета партии, в которой, как весь передовой авангард советского народа, состоял и я.

- Не мешай людям в ресторане отдыхать, Аркадий! Там же одна молодежь, ты-то куда прешься? - внушал мне в приватной беседе Николай Федорович, главный идеолог и непремлющая совесть нашего городского партийного актива.

- А я, что - старый? И, потом, я же там не дебоширую, сижу себе тихо в уголочке, никого не трогаю.

- Ага, если бы не трогал! А то каждый раз с очередной девицей по улице ночью тащишься! Ангел, понимаешь! Люди, ведь, все видят.

- Люди лучше бы ночами спали, Николай Федорович, а не глаза на улицу таращили! И чего это всех наших бездельников мое моральное состояние тревожить начало?

- Прекрати так о людях! Ты же - руководитель, человек публичный, понимать должен! Да чего я тебя учу, сам все не хуже меня знаешь. Гляди, опять до выговора допрыгнешься со своими бабами!

- Ладно, учту.

Хороший человек был Николай Федорович, хоть и партийный босс. Уважали его в городе. Совесть жила в человеке. Когда водку стали в одно время давать по талонам, я его не раз в общей очереди у магазина наблюдал. Предлагали мужики старику без очереди отовариваться, но он только отмахивался и, как и все, терпеливо дожидался своей бутылки.

До выговора я уже и раньше, когда только собрался разводиться с женой, допрыгался. Решила меня благоверная моя с помощью партии в чувство привести. Вызвали на бюро, попытались воспитать. Как, дескать, так: партийный человек и морально неустойчив? Не положено! Только я категорически отказался назад возвращаться. Простите, граждане, но это мое личное дело. Какое такое личное дело? Нет в партии личных дел. Ну, это у вас такое мнение, а у меня - другое. Ах, раз ты такой упертый, так на - получи! Вкатали выговорешник с занесением в личное дело! Но, ведь, от выговора еще никто не умирал, так что - вперед гусары, весна на дворе, гормоны играют! Да и бог с ним, с выговором, когда это было...

Я плевался, разгребая выпавший опять снег, и ни сном, ни духом не ощущал, что эта надоевшая, промозглая весна - только прелюдия к тем событиям, что начнутся летом, спустя два месяца, событиям куда как более тяжелым и печальным, чем можно было бы себе представить. Что все эти экономические выверты и переломы вздыбившейся вдруг державы потянут за собой в водоворот событий и катаклизмов и, в конце концов, изломают, исковеркают, а порой трагически оборвут многие человеческие судьбы. Что раньше считалось постыдным, станет нормой, что черным - белым. И с этим придется жить. Труднее всего будет тем, кто прошел войну и послевоенные лишения. Принципы, ради которых они шли на смерть, терпели голод и холод, превратятся в прах. Тем, кто помоложе, придется эти принципы менять. Ну, а те, кто

только пришел в эту жизнь, станут молиться совсем другим идолам.

Генка умер внезапно, в конце июня, в разгар белых ночей. Лето уже полностью вступило в свои права: шумели свежей листвой тополя, насаженные вдоль дорог, склоны сопок окрасились сиреневым цветом от дружно цветущего полями Иван-чая. Воздух вечерами был напоен запахом умытой дождем тайги, расцветающих на клумбах цветов, заграничным парфюмом гуляющих по аллеям девчонок. Генка так и не успел получить полагающееся выходное пособие, по слухам намечающейся и уже озвученной в приказе по комбинату ликвидации нашего управления. А хотел. Даже планы какие-то строил. Вообще-то, человек он был хозяйственный и обстоятельный, достраивал собственный дом, и денег, естественно, как всегда, не хватало. Когда Генка занимался делом, которое считал полезным, он практически не употреблял, хотя назвать его непьющим даже в такие периоды язык не поворачивался. Подвержен был человек циклам. А, что страшнее: выпивающий понемногу, но часто, или непьющий годами, но потом халкающий месяц, а то и два подряд? Да так, что страшно становилось! Неизвестно, что лучше, что хуже. Почти год Генка капли в рот не брал. Сидел на диете, худел, на обед съедал кусок вареной говядины без соли и выпивал стакан чая без сахара. Похудел килограммов на пятнадцать и помолодел. При весе за сотню, не так уж и много, но все же. Короче, человек всерьез занялся своим здоровьем. А тут, как с цепи, сорвался. Почти месяц до кончины он беспробудно пил, пользуясь тем, что находился в очередном отпуске, а жена с дочерью в это же самое время отбыли отдохнуть на курорт. Остановить мужика было некому. Никакие мои уговоры завязать с пьянкой на него не действовали. Опухшая физиономия с мутным взглядом ничего не выражала, и оживлялась только тогда, когда очередной гонец прино-

сил очередной пузырь. А потом он и вовсе перестал открывать дверь в квартиру. Пошли, дескать, со своей моралью! В последний раз я слышал его охрипший голос по телефону, когда он обещал мне выйти с понедельника на работу после того, как пару дней отлежится. Но в понедельник на работе он так и не появился, а часов в одиннадцать ночи мне позвонил его сосед по лестничной площадке и сообщил, что Генка приказал долго жить.

- Я его, Аркадий, утром силой в реабилитацию отвез, вроде, вполне живой здоровый был. Правда, с бодага большого, но это-то понятно, месяц почти жрал. По дороге даже опохмелился чекушкой: иначе, говорит, не доеду! А час назад врач из диспансера позвонил - тромб у Генки где-то оборвался и что-то там закупорил. Часа два его пытались откачать, но не смогли. Вот такие дела. Не знаю, что и делать? Телеграмму мы жене отправили, а вы уж о похоронах позаботьтесь...

Смерть ровесника, товарища, с которым столько лет трудился рука об руку, потрясла. Я долго не мог прийти в себя: как же так, еще вчера был жив человек, а сегодня его уже нет! Когда тебе за тридцать с небольшим, смерть представляется чем-то нереальным, далеким и к тебе отношения не имеющим. Ну, понятно, блин, за шестьдесят, или за семьдесят! А Генке только-только пятьдесят исполнилось. Все пьянка, блин, проклятая! Говорил же я этому гаду: бросай! В голове не укладывалось! Тем более что с Генкой мы были знакомы не один год, а больше десятка. Вместе киселя хлебали с тех далеких пор, когда еще строилась вторая очередь нашего местного деревообрабатывающего комбината. Я представил, что будет с его женой, когда она получит телеграмму! Кошмар! Уехала отдохнуть к морю, а вернулась на похороны! Страшно! Я тут же позвонил Витьке и своим сообщением поверг его в полнейший ступор.

- Ну и ну! - только и смог произнести он в ответ после долгой паузы.

Полночи я маялся без сна: в голову лезли всякие дурацкие мысли. Почему-то вспомнилась одна из многочисленных рыбалок, на которые мы частенько ездили большой и дружной компанией. Речка, почти ручеек со странным названием Нава, практически обмелела, за весь сентябрь не было ни одного дождя. Но плотвы с окуньками на уху мы все же наудили. Под уху, как полагается, выпили. Потравили обычные байки с анекдотами и завалились спать прямо у костра, благо погода была тихой и относительно теплой. Бабье лето, одним словом. А ночью удариł первый заморозок. Утром меня разбудил ржущий Витька. Рукой он указывал на материща Генку, отирающегося от котелка с чаем примерзшие к нему ночью волосы. Замерз мужик под утро, подполз поближе к костру и головой в котелок уперся. Бывает. Трава вокруг сребрилась инеем в лучах восходящего солнца, день обещал быть погожим. Напились чаю и отправились на ближайший выруб собирать бруснику. Красные капли зреющей ягоды густо рассыпались между почерневших от дождей и времени сосновых пней, когда-то шумевшего здесь бора. Набрали столько, сколько смогли унести. Год случился урожайный на ягоду и грибы. А Генка жадный был до этого дела. Его, если не остановить, до ночи будет на карачках ползать! Всю свою родню снабжал этой самой ягодой, отправлял посылками. Память старательно листала страницы давно прошедших дней, пока, наконец, усталость не сморила меня, и я не уснул...

Дня три мы с Витькой, как сумасшедшие крутились на счет организации похорон и возникших внезапно, как всегда некстати, прочих неотложных дел: то заказывали гроб с памятником, то искали белую краску, чтобы этот самый памятник покрасить. В конце концов, в гараже у Генки мы обнаружили ту самую бочку приватизированной им со стройки

корабельной краски и решили проблему с памятником. «Вот жизнь, - еще подумал я тогда, - человек готовился окна с дверями в новом доме красить, а оно вон как вышло!» Вся эта многодневная суeta и ежедневная выпивка с нужными и ненужными людьми так утомили меня, что я едва не скончался сам, и по причине совершенно отказавшего здоровья и полной невменяемости даже не попал на похороны товарища. Вот так! Еще с вечера Витька пытался взывать к моей совести, даже обещал морду набить, но все тщетно: отекшая от пьянки рожа и почти уснувшее сознание никак не реагировали на справедливые упреки. Утром, в день погребения я так и не смог оторвать головы от подушки. Покойник, конечно, не обиделся, обиделась вдова. Гад, мол, поганый, товарища не проводил! Однако прибыла она с курорта только в день похорон, когда все уже было организовано, и обращать внимание на бабы незаслуженные обиды было бы попросту смешно. Лучше бы спасибо сказала. Конечно, получилось не слишком красиво, но я, решил, что собственное здоровье, а, может быть, и жизнь все-таки дороже. Так, что, едва оклемавшись от этого многодневного питейного марафона, я на следующий день с помощью Витьки и аэропортовской милиции погрузился в самолет и скрылся на неделю в деревню, к родственникам, где и оклемался на свежем воздухе и природе. Начальство не возражало, так как вопрос ликвидации управления был решен окончательно и особых, срочных дел уже не ожидалось.

По возвращении я вместе с Виктором с похвальным упорством занялся решением проблем подчиненных и своих собственных. Удалось продать часть собственности учредителей, а попросту - загнать один из недостроенных корпусов фабрики и на вырученные средства оплатить задолженность по зарплате своим сотрудникам и незавершенку подрядчикам. Кроме всего прочего, наглядевшись на то, что позволяют

себе наши вышестоящие, мы бодро продали заинтересованным лицам часть неоформленных материалов и конструкций, предназначавшихся для дальнейшего строительства, после чего почувствовали, наконец, относительное, хотя и не бесспорное, финансовое благополучие. Благо заинтересованных лиц хватало: многие жители города вдруг начали упорно строиться, что, в общем-то, и правильно, не век же в коммуналках, да по балкам горевать. Ухитрились продать даже часть уже выполненных из плит подъездных дорог. Вернее, плит с этих самых дорог. В нерабочее время, чтобы было поменьше глаз, покупатели бойко разбирали дорожное покрытие, вывозя плиты тракторами и автотранспортом. Через неделю проезды и площадки возводимого нами объекта покрылась проплешинами чистого, желтого песка, выдавая особо сообразительным и любознательным нашу бурную и не совсем законную, коммерческую деятельность. Самое смешное то, что никакие угрызения совести нас совершенно не мучили. Даже партийное воспитание не останавливало. С едва живых заводов и строек по всей стране народ тащил все, что плохо лежит. А плохо лежало почти все. Тащили, как тараканы крошки со стола. И к этому стали привыкать. Еще пять лет назад, в эпоху ныне почти забытого, а тогда развитого социализма, я себе такого и представить не мог. Тем более с коммунистическим самосознанием, партийным билетом в кармане и пионерским незапятнанным детством. Да и органы тогда не дремали. Крали по мелочи, но не так же! Но партия к этому историческому моменту уже накрылась медным тазом, а органы что-то попретихли. Органы, они во все времена нос по ветру держат, а в переломные - тем более. Неизвестно, кто, как и за что завтра спрашивать будет. К кому, она - ох как полезна иногда! Ну, потерял человек память, что с него взять. Совесть стала ненадежным капиталом в лихое время перемен и перестроек. Корежило, конечно, малость,

но не слишком. Хотя, если подумать, в России крали и при царе Горохе...

- Эх, красота, - говорил Виктор, пряча очередную, заработанную трудами праведными заначку в карман, - приятно быть при деньгах! Ну, что, в кабак, что ли?

- Давай! - я был в этот период совершенно одинок, а у Витьки давно в семье что-то разладилось, и угрызения совести вместе с моральными страданиями его тоже не слишком тревожили.

Дочка взрослая уже, а жена? Ну, а что, жена... Жена - не стена! Жены, как говорится, приходят и уходят, правда, дети - остаются! Философия твердая, как бетонный блок.

Утром каждого нового дня мы, как заведенные, по привычке являлись на работу, но поскольку делать было, собственно, нечего, к обеду уже заседали у кого-нибудь в гостях. Беспросветность и неопределенность будущего угнетали, как ни притворяйся бодрячком. Имелись, конечно, варианты дальнейшего трудоустройства, но настолько мелкие и неинтересные, что все это окружавшее всех нас безобразие и дискомфорт так и тянуло утопить в стакане.

- Может, коммерцией займемся? - предлагал вдруг Виктор с самым серьезным видом.

- Уже занимались! - я напомнил товарищу о шкурах, которые он как-то ухитрился закупить за тридевять земель и которые нам едва удалось сбыть спустя год себе в убыток.

Прочитал в какой-то газетенке рекламу, что некий зверосовхоз продает по дешевке шкурки норки, и подбил меня на эту авантюру. Деньги были наши общие, и я тогда крепко материлил себя за то, что вляпался в эту историю. Единственными полезными предметами, что приобрел Витька в той, так называемой, командировке вместе с норковыми шкурками, был стеклянный охладитель для самогонного аппарата и

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

маленький, аккуратный спиртометр. И охладитель, и спиртометр мы опробовали незамедлительно. Виктор где-то добыл два ведра пшеницы, и мы заквасили их в сорокалитровой фляге. Благо жена у него в этот период отъехала вместе с дочкой погостить к маме. Недели через две попробовали. Брага получилась тошнотной, пить невозможно, но вот самогон из нее - что надо! Крепкий и практически без запаха сивухи. Угостились сами, да и друзей угостили. Но, вот со шкурами - не задача! Никому они в это ненадежное время не нужны стали. Какие тут меха, если не знаешь, на что завтра жить будешь. И вот с той самой золотой поры я потерял всякий интерес к коммерции. Ну не мое это дело, не лежит душа. Торгашем тоже надо, видимо, родиться. А я - производственник, технарь, не более того.

- Первый блин - комом! - не унимался Виктор. - Можно еще что-нибудь предпринять, подумать только надо, как следует.

- Подумать - это, точно, не помешает!

- Может самогон гнать и продавать?

- Ты, что, рехнулся? Сесть, что ли хочешь? У нас пока монополию государства на это дело не отменили. Еще бы бордель предложил организовать, благо этого товара - везде, хоть отбавляй!

- Насчет борделя не знаю, - совершенно серьезно чесал затылок Виктор, - для этого дела соответствующую хату нужно и контингент. Хотя при желании... Да и за задницу тоже могут взять! А вот Леночку приголубить, я бы не прочь!

- Так в чем же дело?

- Не получается. Не нравлюсь я ей, она, похоже, на тебя глаз положила, голубь ты наш.

- Брось ты эти разговоры, не до Леночки сейчас.

- Это почему же? Импотенция что ли замучила? И боль-

но уж она девка ядреная, мимо не пройдешь, так и хочется потискать!

- Тискай, если хочется, только не на работе! Найди другое место, а то перед людьми стыдно. Особенно перед посторонними.

- Стыд - не дым, глаза не выест.

- Это - точно, глаза-то у тебя бесстыжие.

- Ты погляди! А у тебя другие? - парировал мой озабоченный товарищ. - Прямо образ Аркадия непорочного! Сейчас на божницу посадим и в одно место целовать начнем. Святой ты наш.

- Святой не святой, а правила кое-какие помню.

- Ну-ка, ну-ка?

- Не блуди, где живешь, и не живи, где... Ну, сам понимаешь, не маленький!

- Э, - беспечно отмахивался от меня, как от надоевшей мухи Виктор, - устарели твои правила, мхом обросли! Проще нужно жить, товарищ, ближе к народу! И народ тебя поймет.

- Точно, поймет! Потом догонит и еще раз поймет.

- Мрачный ты человек. Аркадий! Мрачный и скучный.

... Наступивший летний день не предвещал ничего плохого. Утро пятницы было ясным и тихим. Августовский воздух пропитался сладковатым запахом цветов на многочисленных городских клумбах. Запах этот странным образом смешивался с запахом йода от выброшенных на берег моря водорослей. Получался такой, надо сказать, необычный коктейль. Ближе к вечеру мы с приятелем собирались уехать с ночевой порыбачить на озерах, а сейчас просто тупо отбывали срок на службе. Виктор, как обычно, пытался в архиве прижать Леночку к стеллажам с документацией, а та вяло оборонялась, по привычке пытаясь взывать о помощи ко мне, как к непосредственному начальнику этого охальника:

- Аркадий Викторович!

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

- Виктор, кончай! - я лениво поднимал глаза от бумаг, наблюдая, как пунцовая, взъерошенная Леночка, поправляя кофточку, выскакивала из дверей архива.

Следом появлялся Витька, нахально улыбаясь во весь рот. Я молча грозил ему кулаком, показывая глазами на корпевшую за столом пожилую бухгалтершу, но вскоре все начиналось сначала.

Перед обедом, после того, как я обговорил дела наши греческие с руководством комбината, мы с Витькой уехали в город, где у старого приятеля выпили по рюмке коньяка, да и разбежались до вечера. А часов в семь меня разбудил телефонный звонок. Проспал - мелькнула первая мысль! Я встал, поднял трубку, предполагая, что звонит Виктор, время было давным-давно отправляться на рыбалку, но это оказался наш старый приятель, и в прежние времена сослуживец по строительному управлению, Юрка.

- Ты в курсе, Аркадий, Витька умер!

- Что ты несешь, придурок?! - спросонья до меня не сразу дошел смысл сказанного.

- Сам - придурок! Звонила Ленка ваша, сказала, что Витька кровью изошел. У него, помнишь, как-то из носа кровь текла, остановить не могли. Ну и сейчас сосуд, видимо, лопнул. Был бы трезвый, скорую вызвал бы, а так... Жена с дочкой целый день сегодня у сестры гостевали. Да ты же знаешь, у него дома нелады, вот, видимо, и запил мужик с тоски. А когда домой от сестры-то вернулись, тут его и обнаружили, на полу в ванной.

- Да не мог он запить, мы же вечером на рыбалку собирались, с чего ему пить-то? Я его лично перед обедом отдохнуть домой отправил до вечера! Не мог он нажраться.

- А я почем знаю. С соседом после обеда пил, говорят, потом какие-то мужики в гости приходили. Когда у него кровь-то из носа пошла, он, видно, по двору некоторое время

бродил: кругом все в кровище. А потом в ванну пошел, похоже, умыться. Вот и умылся. Там и нашли.

Я проснулся окончательно:

- Ни фига себе! А мы с ним только перед тем, как расстаться, коньячком опохмелились. Жив был и здоров, как огурчик. Вот тебе бабка и Юрьев день! - услышанное никак не укладывалось у меня в голове. - Что делать-то будем?

- Рыбалка отменяется, давай с утра встретимся, насчет похорон обговорим. От его бабы все равно толку не будет, не в себе она. Тем более ты после Генки все концы в этом деле знаешь. Да у профкома комбината вашего долбанного деньжат на это дело попроси - их все-таки их член скончался.

- С деньгами я решу, с могилой там, с венками. А вот гробом с оградкой ты займись, вам в СМУ сподручнее.

- Это - без проблем.

- Ну, до завтра.

Я долго сидел, ничего не делая, оглушенный этой свалившейся на меня, как гром с ясного неба, новостью. Сознание не могло принять случившегося: как же так? Еще пять часов назад ты вместе с человеком пил коньяк, смеялся над анекдотами, и вот - его уже нет! До меня тогда не сразу дошло, что я остался один, без друзей. Были, конечно, и другие приятели, но таких, как Генка и Виктор, настоящих не осталось ни одного. Сколько Витьке лет-то было? Сорок пять. Молодой совсем. Мор какой-то на мужиков напал, не иначе. Один за другим прибрались. Мне стало не по себе. Пить надо бросать, а то следом отправишься. Через полчаса я перезвонил Леночке и от нее узнал все подробности.

- Аркадий Викторович, он ведь часов около пяти, когда ему плохо стало, видимо, пытался жене звонить, но та трубку просто бросила, - всхлипывала в трубку девчонка. - Если бы сразу скорую, то спасли бы.

Я ничего на это не ответил и, пожелав Леночке спокой-

ной ночи, отключил телефон. Хотя, какая тут к черту спокойная ночь? «Надо что-то делать», - вертелось в голове, но дальше этой фразы не думалось. Мозги шевелились медленно и со скрипом. Четвертая смерть на моей памяти. Сначала Вовка Ягодкин сгорел заживо. Проснулся ночью перекурить, опохмелился, да и облил рубаху водкой. А потом бычок на себя уронил. В реанимации двое суток возились, но не спасли. Потом Веню Хариля рак сожрал, еще и сорока не было. А теперь вот Генка с Витькой один за другим...

Похороны Витьки прошли торжественно и чинно. Пить после всех этих печальных событий совершенно расхотелось. Два дня промелькнули, как мгновение, в похоронной суете. На кладбище я был трезв, как стекло, и печален, как и подобает слuchaю. Даже умудрился произнести несколько слов перед тем, как гроб с Витькой опустили в могилу.

На поминках в кафе «Березка» я держался до последнего, но, в конце-концов, сорвался, нахрюкался, и на следующий день проснулся в кровати у счастливой Леночки, чему был искренне удивлен. Подумалось: «Вот она - жизнь! Витька ее полгода добивался, и все впустую. А тут - на тебе!». Порхающая по своей квартире Леночка напоила меня крепким чаем с молоком и, проверив, пуст ли подъезд, выпроводила за порог, поцеловав на прощание. Свежий, утренний воздух хлынул в легкие живительным нектаром, я несколько раз глубоко вздохнул, и, решив для себя, что жизнь продолжается, бодрым шагом отправился восвояси.

А еще через пару-тройку дней меня окончательно вышибли с работы на все четыре стороны, правда, с двухмесячным окладом в кармане. И тут я понял, что такое быть никому не нужным. Ненужность эта разъедала душу, как ржавчина металла. Безработный. Слово-то какое, безнадежное, да и стыдное для человека, всю сознательную жизнь трудившегося. Семнадцать лет целенаправленной, любимой,

между прочим, работы и - на тебе! Никто тебя не ждет, и никому ты совершенно не нужен. Ни капельки. Даже приятелям. Целыми днями я лежал на кровати и бессмысленно смотрел в потолок, не зная, к чему приложить руки. Да и делать ничего, как и жить, совершенно не хотелось. После, пускай и надоевшей до чертиков, повседневности возникшая пустота и неопределенность давили, как могильная плита. Идти, регистрироваться в бюро по трудоустройству было противно да и просто стыдно: здоровый, неглупый, в общем-то, мужик - и безработный. Нонсенс! Нажрал, скажут, морду, а туда же, за пособием! Но жизнь текла по своим новым, не знакомым ни мне, ни моим, оставшимся в живых приятелям законам, и в один из дней я, пересилив себя, поднялся, побрился и решительно шагнул за дверь...

Владимир Краснослободцев

Родился в 1972 году. Закончил Тобольскую духовную семинарию, Тобольский социально-педагогический университет им. Д.И.Менделеева. Работает преподавателем в Югорской православной гимназии.

Твой голос тихой флейтою
Зовет издалека,
Как меда капли клейкие:
Пока, пока, пока...

И ласково прощание.
Такой ли будет встреча?
И глаз твоих сияние
Печаль мою излечит.

Как ветви ивы тонкие,
Сплетались наши пальцы.
И музыка негромкая
Звала нас дальше, дальше -

Туда, где звезды кружатся,
Где нет конца любви,
Где все преграды рушатся...
Зови меня, зови!

И пусть молчат твои уста,
Я слышу этот зов.
Надежда, верю, не пуста.
Крепка, как смерть, любовь.

Рассудок - кущий гатю,
Ты прочь его гони!
Капканом хищным клацает,
Ты в сердце загляни.

Оно одно всегда право.
Оно не может лгать.
Исчезнет злое колдовство,
И день придет опять.

Какое долгое прощанье!
Так больно, словно в первый раз.
Надежды нет. Стена отчаянья.
И не отыщешь нужных фраз.

Как пытка долгая тонка.
Надежд беспомощные крылья.
Как подрезает сухожилья
Когда-то нежная рука.

Как я люблю тебя! Как нужен мне твой голос!
Как ищут руки рук твоих тепло.
А расстояние натянуто, как волос.
И реет в небе белое крыло.

Ты далеко. И всё же нету ближе
Тебя. И писем белые листы
Порхают, словно птицы, и я вижу,
Как их касаются прозрачные персты.

Я вижу твою тихую улыбку,
И муку в темной влаге твоих глаз.
И я учусь хранить твой образ зыбкий,
И забывать, что разлучает нас.

Павел Павленко

Родился в поселке Пионерский в 1978 году. Окончил Тобольский пединститут. Работает учителем истории в Югорске. Публиковался в местных газетах.

Деревня

Заколоченных ставней печальная суть.
Здесь хороших не жди новостей.
В эту зиму тепла старых стен не вернуть:
Умирают дома без людей.

Заметен тротуар, а на нем ни следа.
Редко птица летит стороной.
Покосился забор и кружат холода.
Но никто не придет и весной.

И уже заастает травой колея -
К деревням нерентабельный путь...
Позабыта, покинута предков земля.
Даже некому просто всплакнуть.

Холода пройдут не скоро.
Белой струйкой дым из труб.
Люд торопится к теплу.

Слышен редко лай Трезора.
Пес ведет ночной дозор -
Охраняет дом и двор.

Лариса Плохотнюк

Родилась в Костромской области. Окончила Тюменскую академию искусств и культуры. 21 год работает в Доме культуры п. Агиши. Из них 12 лет – директором.

Соловьи с ума сводили,
Хоть роняли слезы ивы.
Я в глаза глядела прямо,
Я опять была наивной.

Верились легко и глупо
В необещанное слово,
В несерьезную науку
Легкомыслия людского.

Ну а майский теплый ветер
Голову дурманил сладко.
На прекрасном белом свете –
Ночь чудес в твоей палатке.

Кружится снег холодный, мелкий, колкий
И заметает улицы и скверы.
И воют ветры, словно злые волки,
Мне холодно, и я в тепло не верю...

Светлана Пахтышева

Родилась в г. Асбесте Свердловской области. Воспитывалась в средней школе п. Агириши . В 2006 году окончила филологический факультет Югорского государственного университета. В 2007 году была участником Всероссийского совещания молодых писателей в г. Каменске-Уральском. Живет и работает в г. Советском.

Как хорошо, когда уснет ребенок.
Вдруг оборвется легкий топоток.
И сладкий сон, чувствителен и тонок,
Тихонько проскользнет через порог.
Всё перестанет в доме суетиться.
Усядутся все дружно за столом.
И в сумерках лампада загорится.
Степенным станет днем шумевший дом.
А вечер в тишине и неге тает.
Как няня, убаюкивает дождь.
И дочь моя еще совсем не знает:
Во сне летаешь, значит, и растешь.

Звездочет
Десять,

Одиннадцать,
Двенадцать,
Тринадцать...
Черное небо, бледные звезды,
Желтой луны блин.
Бегать, кричать, сомневаться поздно -
Один.
Двадцать одна,
Двадцать две,
Двадцать три,
Двадцать восемь...
Серый снег, горчичный свет.
Кто-нибудь крикнет, о чем-то спросит? -
Нет.
Пятьдесят,
Шестьдесят,
Сто,
Триста...
Черное небо - бездонный ковш.
Все равно этих мглистых брызг искры
В руку никак не возьмешь.
И что же? Бегать, кричать, сомневаться,
звенеть в пространство все-таки поздно?
Десять,
Одиннадцать,
Двенадцать,
Тринадцать...
Черное небо, бледные звезды...

Ирина Сейфутдинова

Родилась в г. Советском. Окончила Российской государственный социальный университет. Работает в Советском филиале РГСУ методистом. Стихотворения Ирины публиковались в районных газетах.

Солнце поблекло,
Небо упало,
Жизнь надоела,
И обнищала.
Все утомило,
И уходило,
Просто погибло,
Изнутри сгнило.
Соль и песок мне,
В раны и в тело,
Я не хотела,
Но боль меня съела.
Я утонула,
В лодке без весел,
И не осталось
К жизни вопросов...

Я – ничтожество, а ты – вселенная,
Я бездна, а ты – мгновение,

Я суходол, а ты – романтика,
Охватила меня всесторонняя паника.
Мучаюсь я, спотыкаюсь, ползу,
Подбегаю к тебе, ловлю слезу.
Выпью до дна ее! Сладкая! Страсть!
Отчего над тобой не имею власть!
Золото! Олово! Серебро!
Медная – отражаешь все,
Пламенная – горишь внутри,
Пропасть меж нами, прошу! Живи!

Чумочное

Что стихи мои – игрушки,
Баловство и ерунда,
Вольнодумные дружки,
И мятежные стада.
Непонятные потешки,
Неизвестный вспышки свет,
И пустые пива кружки,
И дурной пьяничужки бред.
Нет! Оставлю я сомненья,
И найду простой ответ,
Что зовется вдохновеньем –
На века оставит след.

Соломенная шляпа

На столе лежала шляпа,
На ковре собачья лапа.
Пес вскочил, к столу пошел,
Шляпу скинул и ушел.

На столе стоял графин,
Дорогих заморских вин.
Кошка, прыгнув, стол качнула,
И графин перевернула

По столу вино полилось
И на шляпу просочилось,
Шляпа сильно разозлилась,
И слегка пошевелилась.

Подошел старик слепой,
На поля ступил ногой,
Край помялся, завизжал,
Но никто не прибежал.

Муха рядом пролетала,
По соломе бегать стала,
Прыгать, крыльшки марать
И о шляпу вытираТЬ –

Шляпе плакать захотелось,
Тут все дальше завертелось
Ветер летний резко дунул,
И на грядки шляпу сдвинул

Я сидел, смотрел, скучал,
С грядки шляпу я поднял,,
Постирал, сушить повесил
Чтоб никто не куролесил.

Александр Смирнов

Родился в 1959 г. в Горьковской области. С 1968 г. живет в Советском. Окончил институт культуры. Основная работа – художник оформитель. Неоднократный участник окружных, областных районных выставок живописи. Лауреат регионального фестиваля авторской песни «Барды за ...» Дважды лауреат фестиваля бардовской песни «Таежный роман». В 2006 г. вышел в свет первый сборник стихов А.Смирнова «Дорога в осень».

Мечтать по-русски

Пронесулся Ленчик достаточно рано, как говорят, до петухов, но глаза не открывал, смутно вспоминал с чувством подленьского страха вчерашние свои похождения. Потом тихонечко вылез из теплого, нагретого вместе с супружницей гнездышка и пошел дюзнуть минералки из холодильника. Кстати, недавно приобретенного, выше Леньки на две головы, во! Пошумел унитазом, почистил «перышки» и опять нырнул под теплый бочок родненькой своей, желанной. Руки прошлились по всем потаенным mestечкам, не хуже Рихтера по роялю, жена сонно улыбнулась и скорехонько поспешила в ванную, пробурчав что-то грозное и забористое. Ну и дальше – основной инстинкт да давление со вчерашней гулянки дополнили супружескую гармонию.

А потом сели завтракать, как будто ничего и не было

вчера: ни гонок Ленчика на джипе типа «Нива» ни молодых бабешек в ее салоне, ни гаишников, доставивших его до самого подъезда в целости и сохранности, но с наказом женушке ключей ему больше не давать ни под какими мольбами и угрозами – хватит прошлого раза, когда машину прибуксовали, как поверженного бойца без правил, грязную и побитую...

Ленька, довольный примирением и поджаренной колбасой с яишенкой, даже похмелиться не просил, зачал свою излюбленную тему: - Вот дострою я дачку (а достраивать осталось только начать да кончить) и буду там полным и абсолютным хозяином. Вы будете с девками в гости приезжать, будет там для вас и банька по моему проекту, и малинка со смородинкой, а виктории этой, так не знаю, куда и девать будете, может, даже и продавать начнем, а что -- она вон какая дорогущая.

...А еще бассейн вырою, такой, знаешь, шесть на три, нет, больше – шесть на восемь. Думаешь, слабо, вы там купаться будете, а потом Ваньку, внука моего будущего, плавать учить начнете. Нет, этим я сам займусь – и по-собачьему, и в размашку, и на спинке, а уж по-спортивному Катюха, кемээска наша, пусть обучает, не жалко. А я все больше в столярке буду, там деревом пахнет, каждая доска по-своему, будь то сосна, кедр или береза. Да если даже одной породы, и то у каждой доски свой неповторимый запах, здорово!

И стану я люльки да зыбки разные варганить, ну, такие примерно, какие в детстве голожопом видел, но только лучше намного. Вот ты, предположим, уже бабушка, лежишь на лежанке, которую тоже сам смастерю, на пуховике. И вставив ногу в специально для тебя сшитое кожаное стремя, внутри обшитое лисьей шкуркой, покачиваешь через небольшую, сплетенную из разноцветных тряпочек веревочку, привязанную к зыбке, моего внука, сопящего в шикарном своем жилье, смастerrенном из сухого кедра, с вырезанными лоб-

зиком узорами на местные темы, с днищем, чуть выгнутым для того, чтобы класть ягель – беломошник наш, говорят, не хуже памперсов заграничных.

Вот, а сама зыбка с четырех углов привязана к хорошо отшлифованной жерди, которая укреплена на кованое кольцо.

Так вот, ты лежишь на перинке, нога в стремени, покачиваешь, не торопясь, зыбочку, а жердь скрипит так славно, просто музыкой чудной, волшебной, древней, забытой уже современным человеком.

И будет внук, как и дед его любить лес, прислушиваться, как скрипят верхушки сосен, как сухим дождем осыпается темно-оранжевая хвоя. Будет чувствовать запах этих исполинов и в жару, и после дождя, и в жгучий мороз.

Будет восхищаться разноцветьем грязно-желтой березы, огненно-красной осины и невиданной в палитре художника, чистейшей светло-лимонной, увядающей красотой лиственницы на фоне вечно зеленои тайги.

И буду я с долгожданным внуком Иваном, названным в честь прадеда, убитого на Великой войне, бродить по знакомым борам и чернолесью, учить его собирать грибы, отличать съедобные от поганок. Вот, смотри, Ванюха, это белый гриб, он мощный, крепкий, хрумкий, как репа, с темно-коричневой шляпой. Растут они, как и мы, семьями, искать их надо внимательно, как охотник, затаив дыхание, и за каждый найденный благодарить Бога. Красноголовики, те глупые, лезут своими рыжими головами, почем зря, таких трудно не заметить. Ну и про обабков и маслят дам информацию, а про тех, которые солить, то уже другое время придет. Короткое время, особенно для груздя и волнушки. Первый хороший заморозок, и все, отошли груздочки...»

И Ленька четко представил, как внук будет с диким восторгом находить мухоморы, ну ведь погань, а самая красивая в лесу, прямо как в жизни: что ни красотка, то поганка, что ни

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

красавец – то мухомор, тьфу...

- Леньк,- одернула его супруга,- ты думаешь на участок-
то ехать? Забор пора ставить, соседи уже косотурятся.

- Да, конечно, щас, только топор поправлю и айда.

Подрос

(творчество наших детей)

Александра Луговых
14 лет, г. Советский

Фортепиано

Стоит фортепиано,
Большое и красивое.
На нем играет мама,
Мамочка любимая.
Веселую и грустную
Песенку сыграет.
А я сижу и слушаю
Вечером, бывает.
Если грустную играет,
Чувствуется осень.
Мама припевает,
Когда ее попросим.
Лишь веселую начнет -
Солнце заиграет,
Мама радостно поет,
Детство вспоминает
Как закончит петь она,
Тут же заскучаю.
Сяду я к фортепиано -
Сразу всем мешаю.

Открытка

Утро, небо, первый снег
Тает на тропинке.
Будто солнечный рассвет,
Блестки на открытке.

На открытке есть поляны,
Даже зайка с караваем,
И холмы, и водопады...
Но чего-то не хватает.
Вот добавила я солнце.
Подарить осталось только.

**Евгения Сластен
15 лет, п. Коммунистический**

«Каша со смертью»

День Победы. Великий праздник, на котором людиплачут от радости и скорби. В нашей семье участниками Великой Отечественной войны были мои прадедушки. Отец моего дедушки Петр Никитович Кордик и отец моей бабушки Юрий Антонович Петухов. Оба много раз ранены, награждены орденами и медалями. Их нет уже в живых.

Но жива память о них и о войне. Бабушка и дедушка много рассказывают нам, внукам, о своих отцах и о том, как они воевали.

Я расскажу об одном случае, который произошел с моим прадедушкой на войне, это биографический факт.

Он рано лишился матери и отца, было их четверо, три брата и сестра. Мой прадедушка был предпоследним ребенком в семье. Его отвезли в детский дом, но он сбежал. По домам побирался, милостыню просил. Летом работал в колхозе, жил у дальних родственников в Кировской области. Когда началась война, прадедушке еще не исполнилось 15 лет. Он решил идти на войну, защищать Родину.

Так мальчик оказался на войне. Не стали сироту отправлять обратно, и остался прадедушка служить поваренком на полевой кухне. Солдаты ласково звали его сыном Юркой.

С обязанностями Юрка легко справлялся, ведь деревенский – дровишек для походной печки наготовить, воды натаскать, котлы надраить. А в свободное время сидел он возле бойцов, слушал их разговоры о боях, о заданиях и мечтал воевать. Письма солдатам под диктовку писал. Одним словом, не лишний был на войне.

Была еще одна обязанность у Юрки. Когда сварится каша, он разносил ее по укреплениям.

Повар накладывал кашу в посудину, вроде котелка с

крышкой и в мешок с лямками. Юрка надевал этот мешок на спину и шел на передовую. Бывало так, что в полный рост идти невозможно, война есть война, пули шальные летают.

Однажды понес Юрка кашу бойцам, да чуть было не остались солдаты голодными. Выследил немецкий снайпер мальчишку с большим грузом на спине и решил его уничтожить. Когда первая пуля ударила в котелок, Юрка упал на живот и некоторое время лежал тихо. Но ведь кормить солдат надо. Юрка встал, но выстрел опять заставил его распластаться по земле. Он лежал и чувствовал, что жидккая грязь холодит ему грудь, а по спине из котелка течет жгучая струйка. Еще раз попытался мальчик подняться, и снова немецкий снайпер не позволил ему это.

И тогда Юрка понял, что надо сделать.

Он пополз. И тут началось. Кто кого?

Русский мальчишка с котелком каши на спине против немецкого снайпера.

Несколько раз стрелял немец. Все хотели убить «кормильца». Все пули в котелок попадали. Дополз до своих Юрка, так на животе и скатился в окоп к бойцам, мокрый от жидкой грязи и от вытекшей жижки из каши. Бойцы как увидели простреленный много раз котелок, так и ахнули:

- Ну, парень, ты молодец, не отдал фрицу нашу кашу. Это ничего что каша густовата стала, жижа вытекла. Мы ее за милую душу оприходуем. - То-то хорошо, рады бойцы, погели, повеселели, давай шутить, хохотать:

- Фриц хотел нам кашу смертью начинить, обед нам испортить. Да не по зубам ему наша еда, это факт.

И скоро Юрку перевели в разведчики, больно лихо он мог пробраться к немцам, сведения собрать, а главное, всегда живым возвращался, хранила его судьба. Войну закончил в 18 с половиной лет в звании младшего лейтенанта. Это одна история из многих, которые знают в нашей семье о войне...

Я помню своего прадедушку и горжусь им.

Мария Эдель
11 лет, г. Советский

Считалки

Гном - малыш залез под стул
И случайно там уснул.
Чтоб его не разбудить,
Выходи - тебе водить!

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел ежик поиграть.
Завернулся он в клубок,
Закатился под грибок.
Ежик, ежик выходи!
Нам играть, а ты - води!

Раз и два, и три, четыре.
Наш котенок лучший в мире,
Молоко он лижет сладко...
Кто последний - водит прятки!

Михаил Сахаров
12 лет, п. Малиновский

Сказка о двух кружках

В самом красивом магазине города жили две кружки Аменка и Ювелка. Они были настолько красивы, что продавец выставил их на главную витрину магазина. Долгое время их никто не покупал. Но кружкам было весело жить вместе. Ручка к ручке они обсуждали прохожих, которые проходили по тротуару, смотрели на меняющиеся времена года. Им казалось, что счастливей их никого на белом свете нет! Однажды в магазин пришла модная дама в шикарном пальто. Кружки засмотрелись на нее так, что женщина обратила на них внимание и купила Аменку. «Боже мой!», подумала Ювелка: «Как же я теперь здесь одна стоять останусь!». Когда продавец упаковала кружку в подарочную коробку и отдала ее покупательнице, вторая кружка от волнения пошатнулась, упала и на ней появилась трещинка. Ювелку уценили и поставили на полку самых дешевых товаров. Семья, которая не могла себе позволить купить дорогой подарок на день рождения сына, купила вторую кружку. Прошло 5 лет. Аменка все это времяостояла в дубовом шкафу под стеклом. А кружка, которая досталась озорному мальчишке, от времени стала тусклой, с обломанными краями и едва виднеющимся рисунком. Однажды, наливая молоко в Ювелку, мама мальчика выронила ее, и она разбилась на две половинки. Не жалея ни о чем, мама выбросила ее в мусорное ведро, и кружка оказалась на городской свалке. В это же время Аменка специально упала и разбилась, когда горничная делала влажную уборку. Кружка очень переживала от того, что ею никто не пользуется и она никому не нужна. Избавившись от Аменки, горничная продолжила уборку. Через 5 долгих лет Ювелка

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

и Аменка оказались вместе, они радовались встрече так, что все, кто окружал их на свалке, не понимали причины столь счастливого состояния. Да просто никто не знал о том, что счастье - это не красивая жизнь и сильная привязанность, счастье - это когда тебя понимают.

Дарья Королюк
16 лет, г. Советский

Кошачье счастье

Спит лохматый комочек в лукошке,
Носик мокрый тихонько сопит...
Много ль нужно для счастья крошке?
Лишь забота, любовь без обид.
Приласкать и забыть о несчастьях,
Гладить шерстку от уха к хвосту.
При луне, при грозе, при ненастях
Ваши кошки всегда на посту.
Утешать и лечить нежным взглядом.
С вами будут, вас вечно любить.
Кошки наши всегда где-то рядом
И не нужно их сильно бранить.
Пес, конечно же, друг человека,
Но и кошка - товарищ всегда!
Будет здесь до скончания века,
Пусть любая случится беда!
Вы ее от себя не гоните,
Вы ее приласкайте за ухом.
За проказы ее не вините,
Пусть к руке прижимается пухом.
Пусть играет, мурлычет, резвится,
И при солнце лежит на окошке,
Пусть ей чудо и радость приснится...
Много ль нужно для счастья кошке?

Людмила Боровских
11 лет, п. Зеленоборск

ЛЮСИНЫ СКАЗОЧКИ

Жильцы моего дома

В моей квартире вместе с нами живут старинный сервант и старая швейная машинка. Сервант хотя и старинный, но о-о-о-очень прочный. Хоть сколько раз натыкайся на него, он не сдвинется с места! А на старой швейной машинке со странным названием «Подольск» папа до сих пор шьет. Хотя и шуму много от нее.

Что такое звездопад

Жили-были на небе звезды. Жили они - не тужили. И большие звезды, и маленькие звездочки никогда не покидали свой дом. Ведь у каждой звезды своя орбита, с которой никому не разрешается сворачивать. И только лишь одна маленькая звездочка Элли все время мечтала убежать из дома. Ей очень хотелось взглянуть на голубую планету поближе, но спускаться на Землю родители ни в коем случае ей не разрешали. И вот однажды без всякого разрешения Элли полетела к Земле. Ее подружки заметили и тоже ринулись за Элли. Все летели с космической скоростью, но пересекая атмосферу Земли все сгорели. Люди видели этот полет и назвали его звездопадом. А среди Звезд до сих пор находятся такие непослушные. Может быть, для того, чтобы желания людей исполнялись. Ведь если успеешь загадать желание, пока звезда падает, оно сбудется.

**Дарья Андомина
12 лет, г. Советский**

Медведь и мужик

Шел как-то мужик по лесу и видит медведя. Мужик спросил у него:

- В лесу много грибов?
- Нет, не много, белки все собрали.
- А ягод много?
- Нет, я все съел.
- А чего у вас в лесу много?
- Нас, зверей!

Кот и мышь

Жили в одном доме кот и мышь. Кот был умный, а мышь хитрая. Как-то раз мышь предложила коту поиграть в «Кошки - мышки». Он согласился. Мышка и говорит ему:

- Давай я тебе глаза завяжу, а ты меня ловить будешь.
- Давай.
- Если меня поймаешь, то съешь меня.
- Хорошо.

Мышка завязала глаза коту, и они начали играть. Кот, как ни старался поймать мышь, - все равно она у него выиграла. Потому что всю игру мышь просидела у себя в норе.

Виктория Долганова
16 лет, г. Советский

Однодневка

Был теплый летний вечер. Солнце постепенно садилось на западе, окрашивая небо в желто-оранжевый цвет и делая небольшие облака розово-йогуртного цвета. В саду все цветы повернули свои прекрасные головки в сторону уходящего солнышка, как будто провожали его и ловили последние теплые лучи. Над цветами хлопотали неугомонные пчелы-трудяги, мирно жужжа и переговариваясь между собой. Ветра совсем не было. По небу летали птицы и разные насекомые: это были и усачи, и божьи коровки, и красавицы-бабочки всевозможных разных окрасок, и большеглазые стрекозы, и мухи, которые рассказывали друг другу свои дневные впечатления, и комары, тихо попискивающие от голода и еще множество других насекомых. Летали среди них и мотыльки, маленькие, серые. Не идущие ни в какое сравнение с красотками-бабочками. За невысоким резным деревянным забором бегали ребятишки. Всю эту картину наблюдал красивый цветок, стоявший на подоконнике одного из домов этой крошечной улички, больше похожей на деревенскую, чем на улицу большого города. Это было прекрасное растение с восьмью бархатными красно-розовыми лепесточками на тоненьком стебельке с резными листьями. Этот цветок тоже видел всю красоту летнего вечера, но только через стекло, не понастоящему. Не разу в жизни он не был на улице, не ощущал дуновение ветра, не поднимал свою прекрасную красно-розовую голову к солнышку, не ловил его ласковых согревающих лучей, не радовался летнему теплому, долгожданному дождю после длительной засухи. У него совсем не было друзей.

Ни одного друга за всю жизнь. На подоконнике он стоял с ворчливым, вечно злым и недовольным своей жизнью кактусом, с которым не только дружить, говорить лишний раз было неприятно. Но цветок не жалел, что он стоит на подоконнике в горшке, а не растет в земле на улице вместе с другими цветами. Он был доволен своей жизнью. Жаловаться ему было не на что.... Раз в три дня его поливали, брызгали специальными удобрениями, чтобы он не заболел, и каждый день хозяйка приходила и любовалась им. И цветок был счастлив! И вот когда цветок, как и два, три, пять, десять дней назад смотрел в окно и видел привычную для него картину, в открытую форточку вдруг залетел маленький серенький невзрачный мотылек. Залетев в дом, он огляделся по сторонам, затем, немного подумав, оценив ситуацию и полетав в воздухе, сел прямо на цветок. Задумавшееся о своих цветочных мыслях растение вздрогнуло от неожиданности. Но мотылек не слетел с цветка, крепко держась за него своими тонкими лапками.

- Здравствуй! - сказал он.
- Здравствуй! - немного неуверенно сказал цветок.
- Тебя как зовут? - радостным голосом спросил мотылек.
- Эээ.... Нууу.... Я даже не знаю... Вообще - то у меня нет имени... Но хозяйка этого дома зовет меня «Моя прелесть» - ответил цветок, - А как тебя зовут?

- А меня зовут Однодневка! - ответил мотылек.
- Однодневка! Хмм.... странное имя - Заметил цветок - Что оно означает?
- Ну, может быть, что-то оно и означает, но сейчас это не главное! - радостно ответил мотылек.

Цветок с удивлением уставился на своего собеседника. Однодневка в свою очередь сидел на цветке и широко ему улыбался.

- Могу я узнать, отчего ты такой радостный? - с удивле-

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

нием спросил цветок.

- Дело в том, что сегодня день моего рождения! - с огромной радостью на своей маленькой мордашке сказал мотылек,
- А это - самый главный праздник!

- О, да ты сегодня именинник! Я тебя поздравляю! - улыбаясь сказал цветок.

- Спасибо! Но это еще не все! Сегодня я стал папой! - радостно заявил мотылек.

- Ого! Ничего себе! Недавно сам родился и уже папа! - с удивлением сказал цветок.

- Ну, вообще-то, я пока еще не совсем папа! Ведь моим детям предстоит еще поползать гусеницами, поесть листья и набраться сил, затем завернуться в кокон и только когда пройдет определенное количество времени, они вылупятся и станут такими же, как я. А сейчас они совсем на меня не похожи. Жаль только, что я не увижу этапы их взросления... - пояснил мотылек.

- А почему не увидишь? Или ты хочешь бросить свою жену с детьми на лапках и искать себе новую? - спросил цветок, не понимая последних слов мотылька.

- Нет, что ты?! Я бы никогда в жизни так не поступил! - воскликнул мотылек, и его крыльшки слегка задрожали.

- Тогда в чем причина? - недоумевающе спросил цветок.

- Дело в том...., что сегодня я умру! - сказал мотылек Однодневка, но в его словах не прозвучало ни капли грусти.

- Как? Только родился и уже умирать собрался?! - с удивлением воскликнул цветок, - Как же так?

- Такова уж моя природа! Сегодня родился - сегодня и умру! На все - про все один день! - сказал мотылек. - Но какой это день! - добавил он, и на его мордашке еще сильнее засияла улыбка.

Цветок смотрел на него, вытаращив свои глаза и не понимая, чему тот радовался.

- Расскажи мне про свою жизнь! Как ты живешь? - спросил мотылек Однодневка.

- О! ну я живу просто замечательно! Раз в три дня меня поливают, а раз в неделю брызгают удобрениями. Каждый день хозяйка подходит и разговаривает со мной, а приходящие к ней гости всякий раз останавливаются возле моего горшочка и говорят: «Ах какая красота, как он прекрасен!». Я живу в полной безопасности. Здесь нет ни дождей, ни ветров, ни засухи, здесь очень уютно и...-не успел договорить цветок.

- И ты никогда не был на улице? - с изумлением спросил мотылек.

- Нет, что ты?! Меня никогда не подвергали таким жестоким и суровым условиям! - ответил цветок.

- Бедный! Если бы ты знал, как мне тебя жалы! - с грустью начал говорить Однодневка, - поверь, если бы я мог хоть чем то тебе помочь, то я обязательно помог бы, я тебя уверяю, но я не могу, ведь я слишком маленький, да и к тому же я сегодня умираю...- закончил свою фразу мотылек.

Цветок не понимал, о чем ему говорила эта странная маленькая букашка. Зачем ему сожалеть, ведь он живет в райских условиях и живет, между прочим, не один день, а второй месяц. Цветок стал усиленно думать: он, такой красивый, живет счастливо и доволен своей судьбой, и тут какой то мотылек Однодневка вздумал жалеть его, да еще и сам живет всего один день.

- Ну а почему же ты такой радостный? Что можноувидеть за один день? - спросил цветок

- Я такой радостный потому, что сейчас я самый счастливый на всем белом свете! Сегодня я успел родится, попробовать вкуснейшие нектары разных цветов, подружиться со многими растениями и насекомыми, встретил свою первую и единственную любовь, женился на ней, отметил шикарнейшую свадьбу, слетал в свадебное путешествие к озеру, стал

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

отцом и вот теперь еще и познакомился с тобой! Это просто удивительный день! Это самый лучший день в моей жизни! А ты...ты не живешь, ты всего лишь существуешь ! - сказал Однодневка и с этими словами вспорхнул вверх к открытой дверце форточки. Он хотел уже было вылететь из этого дома, взмыться высоко в небо и полететь к уходящему за горизонт солнцу, но в самый последний момент остановился и обернулся, в последний раз взглянув на цветок со словами:

- Я так много успел! Вот и жизнь прожита не зря....

После чего пролетев между дверцей и рамой окна, вспорхнул, как птица и улетел вдаль.

А цветок остался стоять на подоконнике. Он мало что понял из сказанного ему мотыльком. Развернув свою головку к окну, он все так же смотрел на закат солнца, на розовые облака, на другие цветы, на насекомых, летающих в воздухе, и на играющих за невысоким резным деревянным забором детей. Он видел всю ту же картину теплого летнего вечера.

**Алексей Ташкинов
14 лет, п. Пионерский**

Сказка о сказке

Однажды в бескрайних просторах Вселенной родилась маленькая Сказка. В ней было всё, что только могла пожелать душа: чудесные исцеления, несметные сокровища и богатства, прекрасный принц на белом коне и принцесса на горошине, путешествия за край Земли и в пространство Космоса и многое - многое другое, всего не перечислишь. Сказка подрастала и наполнялась струящимся теплом и светом любви, радужными переливами счастья, мелодичными звукиями радости и веселья.

Пришла пора ей воплощаться в жизнь. Задумалась сказка, на какую планету ей лететь? И вдруг услышала песню, доносящуюся с Земли: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью....» «Вот туда я и полечу, - решила юная волшебница. - Люди помогут мне стать былью!» И отправилась через всё бескрайнее космическое пространство к голубой планете, на встречу своей жизни - ведь жизнь сказки не начнётся, пока кто-нибудь не поверит в неё...

Проникнув в атмосферу земли, Сказка полетела над полями и морями, лесами и лугами в посёлки и города, в поисках людей, которые примут её, поверят в неё, помогут ей стать реальностью. Но было ещё одно важное условие для её воплощения - она непременно должна была стать полезной, необходимой, должна была помогать, а не просто развлекать. Вначале, это условие казалось ей очень простым, ведь кому же ещё нужна сказка, как не тем, кто отчаялся, кто устал от трудностей и невзгод, кто измучен болезнями и страданиями.

Но... Не тут-то было! Впрочем, обо всём по порядку...

Пролетая над больничным городком, увидела наша путешественница больную женщину. Она была ещё молода, но настолько истощена болезнью, столько страдания и муки было в её глазах, что Сказка просто не смогла пролететь мимо. Она примостилась на плечо женщины и, обогрев её своим теплом и участием, прошептала на ухо: «Я могу помочь тебе выздороветь, ты ещё молода, жизнь прекрасна, и она вся - впереди. Со мной ты увидишь все краски мира и почувствуешь радость и полноту здоровья. Тебе нужно только поверить мне.». Женщина досадливо отмахнулась от этих слов: «О чём ты говоришь? Я столько лет страдаю от болезни! Самые профессиональные врачи, самые дорогостоящие лекарства не могут помочь мне! А ты хочешь меня убедить, что просто Сказка может мне помочь? Улетай! Не морочь мне голову! Дай мне продолжить свои страдания, чтобы меня жалели и любили, больше мне ничего не нужно в этой жизни!».

Полетела Сказка дальше, решив не отчаиваться и попробовать ещё. Видит - бедный человек, работает, как вол, от зари до зари, а средств всё не хватает. «Вот, ему то наверняка понадобится моя помощь» - подумала Сказка и, выждав момент, когда человек сел отдохнуть, приблизилась к нему. Распыхив над ним лёгкий освежающий душ отдохновения, Сказка прошелестела: «Хочешь жить в достатке и богатстве? Хочешь позволить себе больше отдыха от своих трудов? Хочешь, чтобы работа приносила радость? Хочешь получить всё, о чём мечтаешь? Я могу помочь тебе в этом...»

Её завораживающий шёпот был прерван грубым окриком: «Что ты тут мне сказки рассказываешь?! Я всю свою жизнь работаю, не разгибая спины, света белого не вижу! Просыпаюсь и засыпаю с мыслями о том, как заработать на кусок хлеба для своей семьи! Какое богатство! Какой достаток! Кругом только нищета и бедность - для таких как я, и лишь горстка воров и негодяев имеет все!»

Сказка попробовала ещё раз пробиться через стену враждебности: «Тебе всего лишь-то и надо - поверить в меня - Сказку! А я помогу тебе увидеть хорошее, светлое и радостное в жизни! Я приведу тебя к твоей мечте!»

«Что?! - разъярённо взревел труженик, - О какой мечте ты твердишь? Какие могут быть у меня мечты? Мне семью кормить надо, а не мечтать! Убрайся! Мне нужно работать, для того, чтобы чувствовать себя главным в семье, сильным и необходимым, чтобы меня уважали, от меня зависели и любили меня!»

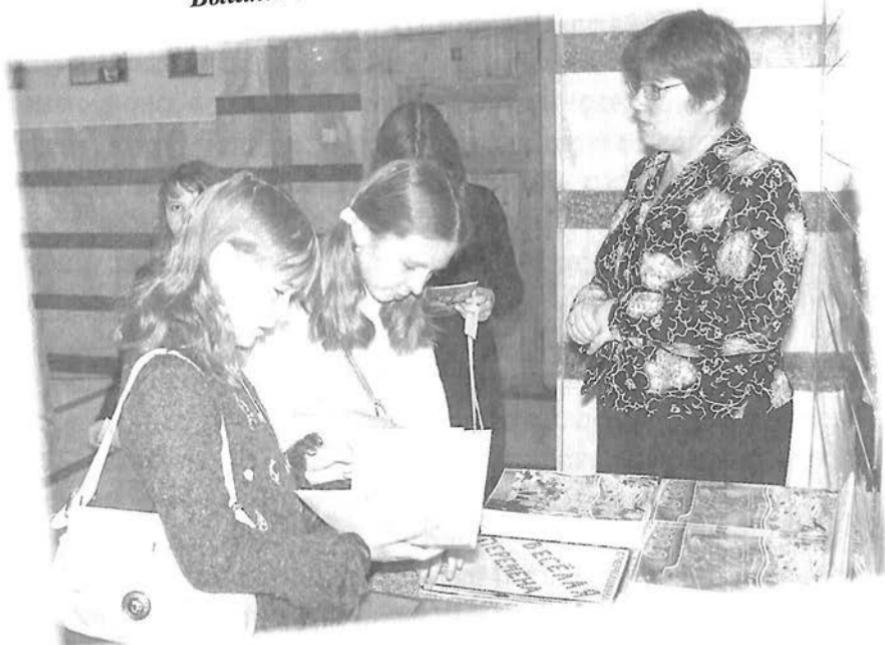
Отлетев на безопасное расстояние, расстроенная Сказка глубоко задумалась: «Как же так? Люди готовы страдать от изматывающих болезней, тяжёлого беспросветного труда, иссушать себя душевной болью от обид и разочарований, для того, чтобы получить любовь! Но отвергают эту же любовь, струящуюся через Сказку, через мечту, через радость!»

Так и не найдя ответа на этот вопрос, но не отчаявшись, полетела она дальше, искать человека, который поверит в неё и позволит всем своим мечтам воплотиться в жизнь, позволит своей жизни стать прекрасной, волшебной, наполненной чудесами и любовью, Сказкой.

А может быть, это будешь ты...?

Вышли в свет новые «волшебные книги

Читает новый выпуск детского литературного журнала
«Винни пух и перья»

*В гостях у юных читателей и писателей сказительница -
М. Вагатова*

Много интересного в мире книг!

Содержание

К землякам, читателям.....4

КОРНИ

Владимир Ромигёв.....8

Партизаны

Простор космической России

Лозинка

Осень

Будильник рявкнет...

Владимир Коркаренко12

Наутро

Зимние стихи

Вот какая беда

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Храбрый Васька

Стрекоза

Кузнечик

Звезды

Ух и Ах

Сороконожка

Звезда

Первая травинка

Бабочка

В лесу

Александр Губанов.....23

Ночь

Ироническое

Рюкзак

Няганская история

Самза

Родословная

Возвращение

Наваждение

Прощай, 20-ый!

Владимир Волковец.....34

В октябре

Да будет снег!

Февраль на припеке подмок...

Снег...

Деревья разговаривают с ветром...

Люболь

Долгий бег на месте

Анатолий Казанцев.....42

Нет тепла и уюта в родной стороне...

Не воин я и жил не по приказу...

Где правят бал временщики...

На пьедестал возводим...

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Джину из бутылки дали волю...
Все мы не только шкурами...
Я прожил жизнь достаточно большую...

Борис Карташов.....46

Инспекторы поневоле
На рыбалку с портфелем
Вот это да!
В гнезде орлана
В болоте с мишкой
Бородатый ейти
На грани

КРОНА

Евгений Бархатов.....68

Жизнь выбирает нас...
Его понятие придумано давно...
Как быть, если хочешь веселья...

Валентин Степанов.....70

Кодирование
Депутат
Гарантия
Фэн - шуй
Диспансеризация
Этикет
Симулянт

Людмила Ветрова.....84

Ты отрекаешься...
Старый тополь похож на бомжа...
Тихо-тихо, сладко-сладко...
Капля за каплей – дождь...
Молитва

Алексей Кандауров88

Я необъезженный степной скакун...
Тополиная будет метель...
Плыёт над Русью колокольный звон...

Талина Логачева.....91

Как спасатель принцессу искал

Владимир Безносиков.....118

Посвящение Советскому району
Сыну Александру к юбилею
Там, где живет моя любовь

Юрий Григорьев.....124

Про белого бычка
Хрюша

«ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Бантик

Маленькая обида

Хрустальные саночки

Вера Вшивкова.....132

Я была своевольна и очень упрямая...

Агириш зимний...

Ах, какая тоска...

Станислав Хренко.....134

Родники

Поляна над чистой рекою...

Выруба

Возвращение

Ворьё (*Хроники периода перемен*)

Владимир Краснослободцев.....156

Твой голос тихой флейтою...

Какое долгое прощанье...

Как я люблю тебя...

Павел Павленко.....159

Деревня

Холода пройдут не скоро...

Лариса Плехотнюк.....161

Соловьи с ума сводили...
Кружится снег холодный...

Светлана Пахтышева162

Как хорошо, когда уснет ребенок...
Звездочет

Ирина Сейфутдинова164

Солнце поблекло...
Я – ничтожество...
Шуточное
Соломенная шляпа

Александр Смирнов.....167

Мечтать по-русски

ПОДРОСТ
(творчество наших детей)

Александра Луговых.....172

Фортепиано
Открытка

<i>Евгения Сластен</i>	174
«Каша со смертью»	
<i>Мария Задель</i>	176
Считалки	
<i>Михаил Сахаров</i>	177
Сказка о двух кружках	
<i>Дарья Королюк</i>	179
Кошачье счастье	
<i>Людмила Боровских</i>	180
ЛЮСИНЫ СКАЗОЧКИ	
Жильцы моего дома	
Что такое звездопад	
<i>Дарья Андолина</i>	181
Медведь и мужик	
Кот и мышь	

<i>Виктория Долганова.....</i>	182
Однодневка	
<i>Алексей Машкинов.....</i>	187
Сказка о сказке	

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ «КЕДРА»

Литературный альманах

Редактор - В. Волковец
Составитель - Г. Беловол
Дизайн-верстка - Д. Трифонов

Сдано в набор 17.11.2011
Формат 60x90/16
Условных печатных листов 12,63.
Печать цифровая. Бумага SvetоСopy.
Гарнитура: Times New Roman.
Тираж 100. Заказ № 3325.

Отпечатано в ООО «Советская типография»
628240, ХМАО-Югра, Тюменская область,
г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 «В».
Тел.: 8 (34675) 3-18-02, тел./факс: 3-22-09

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

603,95

ISBN 978-5-94007-064-1

A standard linear barcode representing the ISBN 978-5-94007-064-1.

9 785940 070641